

ЭВТИДЕМЪ.

ЭВТИДЕМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Платоновыхъ сочиненіяхъ можно различать два главные рода софистовъ. Одни изъ нихъ любили блистать краснорѣчіемъ и часто увлекали имъ слушателей. Обыкновеннымъ дѣломъ такихъ ораторовъ было — изысканною пышностію выраженій возвышать въ глазахъ толпы самые низкіе предметы и придавать имъ видъ чего-то важнаго. Въ обилии и неистощимости своего слова они были такъ увѣрены, что смѣло вызывались говорить сколько угодно и о какомъ угодно предметѣ, запросто являлись на площади, или въ народныхъ собраніяхъ, и требовали себѣ темы для рѣчи. Этимъ ремесломъ особенно отличались Горгіасъ, Ипіасъ и другіе. Но были и такіе софисты, которые, не отказываясь отъ способности говорить краснорѣчиво, преимущественно однакожь вдавались въ діалектическія умствованія и чрезъ нихъ-то думали проложить себѣ путь къ славѣ. Вождемъ этихъ умствователей былъ Протагоръ Абдерскій ¹. Его искусство, въ самомъ началѣ почти шутовское, получило большой вѣсъ, когда онъ вышелъ съ нимъ на площадь, сталъ управлять народнымъ мнѣніемъ и сво-

¹ По свидѣтельству *Диогена Лаерція* (IX, 52), онъ первый ввелъ въ обыкновеніе ученія состязанія и охотниковъ до спора познакомилъ съ софизмами. Онъ же, на зло здравому смыслу, началъ извращать значеніе словъ и былъ отцемъ эристики. См. Suid. v. Πρωτ.

имъ примѣромъ сдѣлалъ то, что многіе начали смотрѣть на діалектику, какъ на сильнѣйшую подручицу политики ¹. Съ того времени во всей Греціи, а особенно въ Аѳинахъ, появилось множество людей, которые и жизнь и труды свои посвящали исключительно волшебному искусству властвовать надъ умами посредствомъ діалектическихъ тонкостей. Это бы конечно еще не бѣда, если бы цѣлю подобныхъ упражненій было направлять сердца къ благу, распространять и укоренять въ народѣ правила хорошей нравственности и повиновенія властямъ: но, къ сожалѣнію, діалектика, наука сама по себѣ полезная, въ рукахъ легкомыслія и невѣжества вскорѣ превратилась въ презрѣнное орудіе тщеславія, скептицизма и шарлатанства. Мѣсто тихихъ и спокойныхъ изслѣдованій заступили жаркія пренія и споры; съ каждымъ днемъ проповѣдывались новыя нелѣпости, доказывалась новая ложная мысль; и даже между наставниками здравой философіи, стали появляться такіе люди, которые, отложивъ въ сторону всякое сочувствіе къ истинѣ, заботились единственно о рукоплесканіяхъ черни и въ злоупотребленіи мудрости дошли до того, что рѣшались опровергать каждое чужое положеніе и защищать каждый парадоксъ, вопреки здравому смыслу ². Успѣхамъ ихъ способствовало самое начало, изъ котораго большею частію вытекали ихъ заключенія, и которое весьма хорошо соотвѣтствовало тогдашнему умственному направленію Грековъ. Оно состояло въ томъ, что о всѣхъ вещахъ, падающихъ подъ обманчивое чувство, какъ не-

¹ *Cicer. Brut. 12. Quint. instit. III. 1. 12.* Протагоръ равнымъ образомъ успѣвалъ и въ знаменитомъ ремеслѣ: τὰ ἴστω χρείττω ποιεῖν — особенно посредствомъ искусной діалектики. *Gell. Noct. Att. V. 3. 7.*

² Отъ софистической діалектики надобно отличать особенный родъ умственной Мегарской школы. Правда и Мегарцы иногда любили вдаваться въ парадоксы, строить ложные силлогизмы и выводить нелѣпныя заключенія: но цѣль ихъ была всегда благородная — прояснить вопросы существенно философскіе.

надежное мѣрило личнаго опыта, можно съ одинаковою вѣрностію говорить и да и нѣтъ ¹.

Такихъ-то софистовъ Платонъ изображаетъ въ своемъ Эвтидемѣ и преслѣдуетъ всею колкостью сатиры. Въ этомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену двухъ братьевъ, Эвтидема и Діонисіодора, и изъ примѣра ихъ позволяетъ видѣть читателю, что значили люди, выдававшіе себя у Грековъ за учителей мудрости и добродѣтели. Впрочемъ, прежде нежели войдемъ въ подробности касательно содержанія и цѣли Эвтидема, полезно будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о разговаривающихъ въ немъ лицахъ, и показать, что раскрытіе ихъ мнѣній важно не только для оцѣнки софистовъ, но и для проясненія Протагоровой эристики.

О жизни и занятіяхъ Эвтидема и Діонисіодора извѣстно изъ многихъ источниковъ ². Отечествомъ ихъ былъ островъ Хіосъ; изъ Хіоса они переселились въ Туріосъ, а потомъ пришли въ Аттику и проживали то въ Аѣинахъ, то въ другихъ городахъ ея. Въ Атикѣ они сперва преподавали искусство фехтованья, сдѣлавшееся у Грековъ необходимою принадлежностію воспитанія со временъ Персидской войны; но вѣроятно замѣтивъ, что это занятіе представляло мало пици ихъ тщеславію и корыстолюбію, рѣшились, уже въ старости, объявить себя наставниками въ мудрости и добродѣтели, которая, по смыслу тогдашняго общества, состояла въ умѣннѣ вести ученыя пренія (*ἀντιλογική*) и прилагать ихъ къ политикѣ. На это поприще Эвтидемъ и Діонисіодоръ вступили съ такимъ мужествомъ,

¹ Theaet. p. 152. A. p. 177. C. гдѣ Протагоръ говоритъ: τοὺς τὴν φερόμενην οὐσίαν λέγοντας καὶ τὸ ἀεὶ δοκοῦν ἐκάστῳ τούτῳ καὶ εἶναι τούτῳ ᾧ δοκεῖ. Cratyl. p. 386. D.

² Объ Эвтидемахъ см. *Fabricii bibl. graec.* II. 81. 18. III. 11. VI. 9. 4 *Sext. Empir. adv. math.* VII. 13. p. 372. seq. *Schneider ad Xenoph. memor.* I. 2. 29. *Фишерз* (ad Cratyl. part. XI. p. 12) несправедливо смѣшиваетъ нашего Хіосца съ сыномъ Діокла, о которомъ упоминается въ *Plat. symp.* p. 222. В. Надобно также отличать его и отъ Эвтидема, сына Кефалова, брата Лизіасова, о которомъ говорится въ *Государствѣ*. I. p. 328. В.

что смѣло рѣшались доказывать всякую ложь и, не смотря на то, что у нихъ было много сѣдыхъ волосъ и мало зубовъ, съ дѣтскимъ легкомысліемъ занимали встрѣчнаго и поперечнаго своими софизмами. Они не находили столь явной нелѣпости, которой, посредствомъ хитросплетенныхъ силлогизмовъ, нельзя было бы представить въ видѣ истины, и такой аксіомы, которой, чрезъ діалектическія тонкости, не возможно было бы подрывать и опровергнуть. Эвтидемъ взялъ себѣ за основаніе: *πάσι πάντα ὁμοίως εἶναι ἄρα καὶ ἀεί, все для всѣхъ вѣсть и всегда одинаково*¹. Доказывая и опровергая на этомъ основаніи каждое положеніе, онъ и братъ его вскорѣ пріобрѣли значительность даже между сверстниками, и обратили на себя вниманіе современныхъ философовъ. Изъ числа тѣхъ силлогизмовъ, которые Платонъ влагаетъ въ уста Эвтидема и Діонисіодора, многіе внимательно разбираются самимъ Аристотелемъ²; а Стагирскій мудрецъ едвали бы и упомянулъ о нихъ, если бы они не имѣли вліянія на тогдашнее общество. Впрочемъ могло стать, что Платонъ, вводя въ свой разговоръ именно этихъ софистовъ, имѣлъ въ виду не столько лица, сколько ученіе ихъ. При избраніи лицъ онъ ограничивался развѣ большею или меньшею связію ихъ съ Протагоромъ, которому они обязаны были своими началами. Чтобы увѣриться въ этомъ, рассмотримъ слѣдующія обстоятельства.

Въ разбираемомъ нами разговорѣ конечно не безъ причины упоминается, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ пришли въ Аѣны изъ Туріоса. По свидѣтельству Гераклида понтійскаго³, въ Туріосѣ долго жилъ и писалъ для него законы Протагоръ. Притомъ Платонъ ясно говоритъ, что

¹ *Plat. Cratyl.* p. 386. D. гдѣ безъ всякаго сомнѣнія надобно разумѣть того самаго Эвтидема, котораго Платонъ обезсмертилъ, поставивъ въ заглавіи разсматриваемаго нами разговора.

² *De sophistarum elenchis*, гдѣ онъ занимается этими софизмами въ продолженіе всей статьи, а особенно с. 9 и 10.

³ *Diog. L.* IX. 50.

главнымъ мѣстопребываніемъ Протагора была Сицилія ¹, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Иппіасомъ, преподавалъ софистику: а въ Сициліи хіосскіе выходцы наши легко могли съ нимъ познакомиться и оттуда плоды своей науки принести въ Аѳины. Но когда все это случилось, съ точностію опредѣлить нельзя. Есть и другія причины, заставляющія подозрѣвать Эвтидема и Діонисіодора въ близкихъ отношеніяхъ къ Протагору. По словамъ Діогена Лаерція ², Протагоръ написалъ книгу о битвѣ (*περί πάλης*); а Эвтидемъ и Діонисіодоръ преподавали искусство фехтованья (*ὀπλομαχία*). Можно догадываться, что и въ этомъ искусствѣ послѣдніе были учениками перваго. Принимать заглавіе Протагоровой книги *περί πάλης* въ переносномъ смыслѣ, не позволяетъ слѣдующее мѣсто въ Платоновомъ софистѣ (р. 232. D.): «*Иностран.* А объ искусствахъ порознь, то—есть, какъ надобно спорить противъ каждаго мастера, написано для всѣхъ, и всякій можетъ знать это. *Тез.* Ты, кажется, говоришь о Протагоровомъ сочиненіи *περί πάλης καὶ τῶν ἄλλων τεχνῶν.*» Здѣсь изъ словъ: «противъ каждаго мастера» видно, что подъ выраженіемъ *περί πάλης* нельзя разумѣть съ Шлейермахеромъ состязаніе посредствомъ силлогизмовъ. Впрочемъ и безъ того очень вѣроятно, что Протагоръ былъ способенъ къ тѣлесной борьбѣ, надобно только вспомнить повѣствованіе Геллія о встрѣчѣ его съ Димокритомъ ³. Мы согласны видѣть въ этомъ мѣстѣ Платона и остроумную игру словъ, или обоюдную мысль, что софисты опыты и совершенны во всякомъ родѣ борьбы; только не сомнѣваемся, что *ὀπλομαχία* Эвтидема и Діонисіодора есть намекъ на учителя ихъ Протагора. Наконецъ вотъ и еще доказательство, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ были Протагорейцы. По свидѣтельству Платона, оба эти братья имѣли обыкновеніе вносить тонкости діалектики въ политиче-

¹ Hipp. maj. p. 281. D. E.

² Diog. L. IX. 55.

³ Aul. Gell. Noct. Att. V. 3.

скія рѣчи; а это совершенно въ духѣ Протагора, который, какъ выше сказано, любилъ отличатся софизмами въ народныхъ собраніяхъ. Допустивъ связь между первыми и послѣднимъ, мы легко понимаемъ цѣль Сократова вопроса (р. 293. А.): ужь не царское ли искусство есть то знаніе, которымъ можно усвоить себѣ добродѣтель? Предложивъ этотъ вопросъ софистамъ, Сократъ очевидно имѣлъ въ виду ученіе Протагора, и хотѣлъ внушить имъ, что они давно бы должны были оставить заблужденія своего учителя и посвятить себя безпристрастному изслѣдованію истины. Вслѣдъ за тѣмъ (отъ стр. 286 до 288), онъ съ настойчивостію опровергаетъ софизмъ Эвтидема и Діонисіодора, что никто не можетъ лгать и противорѣчить другому: но этотъ софизмъ, какъ извѣстно, приписывается и Протагору ¹.

Для подтвержденія всего, доселѣ сказаннаго, изслѣдуемъ, какую цѣль предположилъ себѣ Платонъ въ разсматриваемомъ нами разговорѣ.

Давно уже говорили, что при изложеніи Эвтидема цѣлію его было — показать во множествѣ примѣровъ смѣшную и жалкую сторону софистической діалектики. Но если бы онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду не болѣе этого; то мы безъ труда согласились бы съ Фридрихомъ Астомъ признавать этотъ разговоръ недостойнымъ Платонова генія; потому что заключающійся здѣсь сборъ діалектическихъ хитросплетеній съ одной стороны весьма мало проясняетъ силу и свойство эристики, съ другой обнимаетъ не цѣлое сочиненіе. Какая тогда была бы связь между отдѣленіями бесѣды? и для чего бы Сократу такъ долго разсуждать съ Критономъ? Шлейермахеръ справедливо замѣтилъ, что при опредѣленіи цѣли Платонова Эвтидема, надобно обратить вниманіе и на ту часть разговора, въ которой Сократъ бесѣдуетъ съ Клиніасомъ, и которая дѣлаетъ честь свѣтлому и здравому уму Платонова учителя. Но онъ неправильно воспользовался сво-

¹ *Diog. L. IX. 53.*

имъ замѣчаніемъ; ибо заключилъ, что въ этомъ отдѣленіи бесѣды Платонъ старается развить мысли о свойствахъ истинной добродѣтели и знанія, частію изложенныя еще въ Горгіасѣ, Теэтетѣ и Менонѣ, и такимъ образомъ приготовляетъ читателя къ высшимъ взглядамъ философіи ¹. Въ Менонѣ ученіе о добродѣтели, въ Горгіасѣ вопросъ о взаимномъ отношеніи честности и пользы, въ Теэтетѣ задача о природѣ знанія, раскрыты обстоятельнѣе и положительнонѣе, чѣмъ въ Эвтидемѣ; по этому послѣдняго разговора нельзя почитать объясненіемъ первыхъ. Мнѣнія Шлейермахера не раздѣляютъ ни Зохеръ, ни Винкельманъ. По словамъ Зохера, Платонъ хотѣлъ своимъ Эвтидемомъ оправдать и защитить философію Сократа отъ того нареканія, какое навлекали на нее софисты ²; а Винкельманъ утверждаетъ, что намѣреніе Платона было—въ яснѣйшихъ примѣрахъ представить, какое безмѣрное разстояніе раздѣляетъ эристику софистовъ отъ здоровой діалектики Сократа, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какихъ плодовъ можно ожидать отъ той и другой ³. Эти два мнѣнія конечно уже не то, что предыдущія: по крайней мѣрѣ онѣ гораздо ближе къ истинѣ. Но все еще нельзя сказать, чтобы цѣль разговора была опредѣлена вполнѣ и вѣрно. Въ сужденіи Винкельмана особенно бросается въ глаза, что онъ не показываетъ, какимъ образомъ послѣдняя часть Эвтидема связывается съ предыдущими и относится къ главной найденной имъ цѣли; а этого нельзя не требовать, если не хотимъ обвинять Платона въ несоблюденіи единства плана и содержанія. Зохеръ поступилъ въ этомъ случаѣ гораздо лучше: онъ опредѣлилъ взаимное отношеніе всѣхъ частей разговора и, что касается до сущности его содержанія, можно сказать, попалъ на прямую дорогу. Но у него нѣтъ объясненія, къ чему все это направлено, какую силу и важность все это имѣетъ для читателей. Отъ того онъ оставилъ много не-

¹ Opp. Plat. Vol. II. P. 1. p. 400. sq.

² De script. Plat. p. 212.

³ Proleg. ad. Euthyd. p. XXXIII.

рѣшенныхъ возраженій, неудовлетворенныхъ сомнѣній, непримиренныхъ противорѣчій. По этому намъ не мѣшаетъ снова заняться тѣмъ же предметомъ и, если можно, опредѣлить удовлетворительнѣе какъ содержаніе, такъ и цѣль Эвтидема.

Опредѣлимъ сначала главную тему разговора, потомъ подтвердимъ свое опредѣленіе разборомъ его содержанія и заключимъ нужными замѣчаніями о нѣкоторыхъ предметахъ, имѣющихъ близкое къ нему отношеніе. Желаніе придать хоть сколько нибудь ясности этому загадочному произведенію Платона, дѣлаетъ въ глазахъ нашихъ подобное изслѣдованіе стоящимъ труда и вниманія.

И такъ, что составляетъ главный предметъ Эвтидема? — Мы, кажется, не удалимся отъ истины, если скажемъ, что въ немъ Платонъ предположилъ себѣ слѣдующую тему: Хитрая и любопретельная діалектика софистовъ, которую такъ высоко цѣняютъ Протагорейцы, — какъ бы хвастливо ни выдавала она себя за учительницу добродѣтели и мудрости, — на самомъ дѣлѣ есть только пустословіе, а потому не имѣетъ ничего общаго съ зрѣлымъ и основательнымъ философствованіемъ Сократа, и даже совершенно противна его ученію, направленному къ пользѣ истинной мудрости и добродѣтели. Не смотря на то, многіе легкомысленные люди, особенно площадные ораторы и комическіе писатели, принимаютъ ее въ смыслѣ истинной философіи, а настоящую мудрость вообще, и въ частности ученіе Сократа, дѣлаютъ предметомъ презрѣнія, и единственнаго мудреца Греціи относятъ къ числу послѣднихъ софистовъ.

Выдержалъ ли Платонъ эту тему, увидимъ послѣ, когда будемъ разбирать содержаніе и ходъ разговора. Теперь замѣчаемъ только, что съ раскрытіемъ духа и достоинства Сократовой философіи, въ Эвтидемѣ тѣснѣйшимъ образомъ связываются два вопроса: одинъ, о достоинствѣ и честности самаго Сократа; другой, о суетности и ничтожности софистическаго ученія. Всѣ эти три предмета существенно входятъ въ

составъ разсматриваемаго сочиненія и какъ бы опредѣляютъ главный чертежъ его. Сократъ иронически удивляется мудрости Эвтидема и Діонисіодора и, для примѣра, какимъ образомъ они должны бы преподавать добродѣтели, вступаетъ съ Клиніасомъ въ бесѣду. Цѣль этой части разговора очевидно состоитъ въ показаніи превосходства Сократовой методы и въ намека на высоту результатовъ, къ которымъ ведетъ она. Напротивъ софисты, не слѣдуя ни какой методѣ и не имѣя въ виду положительной истины, которая должна была бы увѣнчать ихъ изысканія, строятъ софизмъ за софизмомъ, противорѣчатъ здравому смыслу, извращаютъ самыя ясныя понятія и оскорбляютъ чувство нравственное. Цѣль этихъ эристическихъ разсужденій конечно состоитъ въ томъ, чтобы обличить бесплодность софистики, нелѣпость ея заключеній и жалкое состояніе тѣхъ юношей, которые ввѣряются ей преподавателямъ. Наконецъ Сократъ бесѣдуетъ съ Критонемъ, который пересказываетъ ему обидныя мнѣнія логографовъ о связяхъ и діалектическихъ преніяхъ Сократа съ софистами. Цѣлю этого окончательнаго разговора надобно почитать, безспорно, оправданіе истинной философіи и самаго Сократа, на основаніи двухъ предыдущихъ частей сочиненія, то-есть, что Сократъ, ни по методѣ, ни по духу ученія, не принадлежитъ къ числу людей, развращающихъ юношество. Такимъ образомъ цѣль Платонова Эвтидема слагается изъ трехъ цѣлей, и всѣ онѣ имѣютъ одна къ другой ближайшее отношеніе.

Отсюда уже само собою вытекаетъ и раздѣленіе разсматриваемаго разговора: тройствомъ его цѣли опредѣляется и тройство частей, составляющихъ одно цѣлое. Эти части суть: 1). Бесѣда Сократа съ Клиніасомъ, указывающая надлежащую методу изслѣдованія добродѣтели и мудрости. 2). Бесѣда двухъ софистовъ, раскрывающая свойство софистической діалектики, и 3). Бесѣда Критона съ Сократомъ, защищающая послѣдняго отъ нареканія логографовъ. Касательно связи этихъ частей надобно замѣтить, что онѣ излагаются не от-

дѣльно, но какъ бы сопроникаются, или входятъ одна въ другую, и такимъ образомъ составляютъ нѣчто органическое. Это можно сказать особенно о взаимномъ отношеніи бесѣдъ Сократа съ Клиніасомъ и софистовъ съ Сократомъ. Впрочемъ связь частей Эвтидема откроется яснѣе и сама собою, когда мы изложимъ его содержаніе.

Разговоръ начинается съ слѣдующаго обстоятельства. Критонъ, прогуливаясь въ Ликеѣ, увидѣлъ друга своего Сократа въ бесѣдѣ съ какими-то иностранцами, и такъ какъ вокругъ ихъ столпилось много народа, ни какъ не могъ разслушать, о чемъ они говорили; по этому теперь, при личномъ свиданіи съ Сократомъ, онъ спрашиваетъ его, кто съ нимъ разговаривалъ. Сократъ отвѣчаетъ и въ своемъ отвѣтѣ, съ тонкою пронику, описываетъ занятія двухъ софистовъ и знакомитъ читателя съ Ктизиппомъ и Клиніасомъ¹. Это — прологъ разговора, имѣющій ближайшее отношеніе къ его эпилогу; потому что въ прологѣ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, между прочимъ, изображаются, какъ мастера писать и произносить рѣчи, а въ эпилогѣ подобный имъ логографъ относитъ Сократа къ числу софистовъ. Послѣ этого Платону слѣдовало только въ продолженіи разговора показать, какъ нелѣпа діалектика двухъ братьевъ въ сравненіи съ методою Сократа, чтобы въ заключеніи само собою пало мнѣніе неизвѣстнаго писателя рѣчей.

¹ Не лзя не удивляться искусству Платона въ выборѣ лицъ для своихъ разговоровъ. Въ нихъ рѣшительно нѣтъ произвольнаго; все необходимо и истинно. Для чего напримѣръ въ Эвтидемѣ выведены на сцену не одинъ, а два софиста? Очевидно для того, что всѣ излагаемые здѣсь софизмы основываются большею частію на двузнаменательности словъ; слѣдовательно, для изложенія ихъ, требовалось и два лица, изъ которыхъ одно принимало бы извѣстное слово въ одномъ смыслѣ, а другое въ другомъ. При томъ, какое разнообразіе и вѣрность характеровъ! Эвтидемъ постоянно хитръ и увертливъ; Діонисіодоръ безстыденъ и дерзокъ; Ктизиппъ пылокъ и веселъ; Клиніасъ невиненъ и кротокъ. Для чего такіе, а не другіе характеры? Клиніасовъ — конечно для того, чтобы понять и оцѣнить достоинство Сократова ученія; Ктизипповъ — для того, чтобы посмѣяться надъ нелѣпными заключеніями хвастовства; Діонисіодоровъ и Эвтидемовъ — для того, чтобы обнаружить не только умственное, но и нравственное направленіе софистики.

Далѣе, по просьбѣ Критона, Сократъ начинаетъ пересказывать ему содержаніе своей бесѣды съ софистами и указываетъ ея завязку: *какъ бы воспламенить въ Клиніасѣ любовь къ добродѣтели?* — Эвтидемъ и Діонисіодоръ смѣло утверждаютъ, что они могутъ преподавать ему добродѣтели не только лучше, но и скорѣе всѣхъ, и тотчасъ же предлагаютъ образцы своихъ наставленій. Въ этихъ образцахъ не надобно искать ни послѣдовательности, ни порядка. Фридрихъ Астъ напрасно требовалъ этого, упуская изъ вида намѣреніе Платона — представить путаницу софистическихъ умствованій во всемъ ихъ хаосѣ и безобразіи. Но послушаемъ, какимъ образомъ софисты учатъ добродѣтели.

Урокъ начинается вопросомъ Эвтидема, обращеннымъ къ Клиніасу: *Какъ онъ думаетъ, кто учится? умный или невѣжда?* — Конечно умный, отвѣчалъ Клиніасъ. — Но Эвтидемъ опровергаетъ его слѣдующимъ софизмомъ: *Кто учится, тотъ перенимаетъ что-нибудь; а кто учитъ, тотъ старается сдѣлать своего ученика умнымъ человѣкомъ; слѣдовательно учиться свойственно не умному, а невѣждѣ.* — Это заключеніе тотчасъ подхватываетъ Діонисіодоръ и доказываетъ противное: *Когда учитель грамматики читаетъ урокъ дѣтямъ, то научаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые умѣютъ понимать его; а что бы умѣть понимать, надобно имѣть умъ; по этому учатся умные, а не невѣжды.* — Вслѣдъ за такимъ опроверженіемъ, награжденнымъ общею похвалою слушателей, Эвтидемъ возражаетъ: *Тѣ, которые учатся, не тому ли учатся, чего не знаютъ?* — Клиніасъ отвѣчаетъ утвердительно. — А онъ говоритъ: *Не правда, если учитель даетъ урокъ ученикамъ, то конечно дѣлаетъ не что иное, какъ произносить слова и буквы; а слова и буквы и безъ того уже были извѣстны имъ; слѣдовательно, слушая учителя, слушаетъ онъ то, что и прежде зналъ.* — Но Діонисіодоръ беретъ доказать и противное: *Знать, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ имѣть знаніе; а знаніе пріобрѣтаетъ тотъ, кто*

прежде ничего не смыслилъ: стало быть и учится тотъ, кто прежде ничего не зналъ.

Вотъ первый опытъ софистическихъ уроковъ въ добродѣтели! Сократъ, боясь, что эти мудрецы никогда не кончатъ дивныхъ своихъ силлогизмовъ, вѣжливо прерываетъ ихъ, и убѣждаетъ Клиніаса не смущаться такими шутками. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ отъ шутокъ скоро перейдутъ къ настоящему дѣлу и введутъ насъ въ тайнства своей науки. Потомъ, отвлекая софистовъ отъ пустословія, учтиво напоминаетъ имъ о данномъ обѣщаніи преподавать юношѣ добродѣтель: а такъ какъ они уже уклонились отъ своей темы; то вызывается представить образецъ, какъ бы, по его мнѣнію, надлежало вести разговоръ объ избранномъ предметѣ.

Такимъ образомъ, за нелѣпными умозаключеніями софистовъ, весьма кстати слѣдуетъ примѣръ Сократовой логики. Сократъ начинаетъ рассуждать дѣйствительно о добродѣтели, и ведетъ рѣчь, уклоняясь отъ всякаго щегольства діалектическими тонкостями. Онъ заботится только о томъ, какъ бы точнѣе и проще опредѣлить понятія о вещахъ, свойственныя всѣмъ умнымъ людямъ. Сущность его бесѣды состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ мы, говоритъ онъ, ищемъ счастья и всѣ полагаемъ его въ обладаніи благами: а что благо, и что зло, — о томъ мнѣнія людей весьма различны. Обыкновенно благами почитаются: богатство, здоровье, красота тѣла, знаменитость происхожденія, власть, могущество. Но къ благамъ безъ сомнѣнія должны быть причислены также: умѣренность, справедливость, мужество, мудрость. А точнѣе сказать, такъ счастье наше состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ одной мудрости. Чья душа украшается ею, тому конечно нельзя отказать въ имени счастливица. Богатство, почести и все другое, что люди обыкновенно почитаютъ благомъ, не тогда ли только составляютъ наше счастье, когда мы умѣемъ справедливо употреблять ихъ? А это зависитъ опять отъ мудрости. Отсюда Сократъ заключаетъ,

что мудрость, или знаніе, есть истинное благо, а невѣжество — настоящее зло. Но такъ какъ всѣ люди ищутъ счастья, то всякій долженъ прежде заботиться о приобрѣтеніи мудрости. При этомъ однаковъ рождается вопросъ: можно ли приобрѣтать ее? — Если можно, то мы должны всѣми силами стараться образовать свой умъ и украсить его мудростію.

Такъ говорилъ Сократъ Клиніасу и съ намѣреніемъ раскрылъ мысль, что счастье состоитъ въ добродѣтели, а добродѣтель — въ мудрости или знаніи. Онъ предупредилъ этимъ мнѣніе софистовъ, которые, пользуясь многозначительностію слова «добродѣтель», оцѣнивали ее, по примѣру Протагора, одними выгодами и поставляли въ удачномъ дѣйствованіи, *eὐτυχία*. Кто у насъ поучится, говорили они, тотъ будетъ искуснымъ политикомъ, превосходнымъ дипломатомъ, публичнымъ ораторомъ, — вообще, не то чтобы честнымъ, но полезнымъ членомъ республики. Напротивъ Сократъ ничего не называлъ добродѣтелію, кромѣ мудрости, обнаруживающейся, какъ онъ намекаетъ, честностію, справедливостію и другими видами ¹. Должно замѣтить, что въ Эвтидемѣ излагается именно его, а не Платоново понятіе о добродѣтели. Платонъ, и по свидѣтельству самаго Аристотеля ², въ послѣдствіи значительно уклонился отъ иѣической теоріи своего учителя, когда, сообразно тремъ способностямъ чловѣка, — уму, чувству и вожделѣнію, указалъ и троякую добродѣтель. По ученію Платона, она состоитъ уже не въ знаніи, но въ нѣкоторомъ могуществѣ и крѣпости души, что мы подробно раскроемъ въ своихъ введеніяхъ къ *Федру* и *Государству*.

Предложивъ образецъ разговора о добродѣтели, Сократъ скромно проситъ своихъ собесѣдниковъ раскрыть его мысли съ большимъ искусствомъ. Но софисты начинаютъ пустосло-

¹ Эта мысль прекрасно раскрыта *Брандисомъ* Mus. Rhen. Vol. 1. p. 130. *Stalbaum*, prolegg. ad Lachetem et Charmidem.

² Eth. magn. I. 1.

Соч. Плат. Т. I.

вить еще безстыднѣе прежняго. Вамъ угодно, говоритъ Діонисіодоръ, чтобы Клиніасъ сдѣлался мудрымъ? то-есть, вы хотите, чтобы онъ пересталъ быть тѣмъ, что есть? слѣдовательно вы хотите, чтобы онъ бѣдненькой погибъ? по тому что перестать быть тѣмъ, что есть, значитъ погибнуть. Это заключеніе выводитъ изъ терпѣнія Ктизиппа, друга Клиніасова, — и онъ упрекаетъ софиста въ безсовѣстной лжи. Но Эвтидемъ подхватываетъ слова его и начинаетъ доказывать, что лгать невозможно. Кто лжетъ, тотъ говоритъ то, чего вовсе нѣтъ, о чемъ нельзя и помыслить; слѣдовательно ложь есть дѣло невозможное.—Ктизиппъ просто, но справедливо замѣчаетъ, что лжець говоритъ о существующихъ же предметахъ, только не такъ изображаетъ ихъ, какъ они существуютъ. — Стало быть, возражаетъ Діонисіодоръ, по твоему, надобно изображать всѣ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ, то-есть, дурныя дурно, хорошія хорошо, теплыя тепло, холодныя холодно? Но посуди самъ, что изъ этого выдетъ. — Сократъ, желая скорѣе потушить разгорающуюся распрю между Ктизиппомъ и Діонисіодоромъ, прерываетъ ихъ разговоръ и насмѣшливо говоритъ Клиніасу: подожди, другъ мой, пусть они погорячатся, поспорятъ о пустякахъ; пусть губятъ людей, лишь бы погибающей изъ глупаго сдѣлался мудрымъ. Но Ктизиппъ увѣряетъ, что онъ и не думалъ горячиться; жаль только, примолвилъ онъ, что противникъ его не можетъ сносить противорѣчій — Какъ? быть не можетъ, утверждаетъ софистъ, что бы кто-нибудь не соглашался съ другимъ, или противорѣчилъ другому, и свое положеніе доказываетъ слѣдующимъ образомъ: Если справедливо, что нельзя ничего отрицать; то вѣрно и то, что нельзя никому противорѣчить. Тѣ, которые хорошо понимаютъ свой предметъ, не разнятся въ своихъ мнѣніяхъ о немъ: напротивъ, кто не понимаетъ его; тотъ, говоря иначе, говоритъ о другомъ, а не о томъ, о чемъ говорятъ первые, слѣдовательно не противорѣчитъ имъ. — Ктизиппъ на это уже ничего не отвѣчаетъ; а Сократъ, замѣтивъ софистамъ,

что ихъ умозаключенія заимствованы у Протагора и подобныхъ ему мудрецовъ, предостерегаетъ ихъ, что бы они не попались въ собственные свои сѣти. Если, сказалъ онъ, никому нельзя лгать; то никому нельзя и ошибаться въ мнѣніяхъ. А какъ скоро никому нельзя ошибочно судить о вещахъ; то не можетъ быть ни глупцовъ, ни невѣждъ. Когда же нѣтъ ни глупости, ни невѣжества; то вѣрно всѣ умны, и никто не уклоняется отъ истины. Но если никто не уклоняется отъ истины; то къ какой же стати вы беретесь преподавать мудрость и добродѣтель? Кого вамъ учить, когда всѣ мудры? Почувствовавъ ѣдкость этого вопроса, софисты хотятъ отмстить Сократу: но Сократъ изъ ихъ же основаній выводитъ заключеніе, что ни онъ и ни кто другой не можетъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ.

Эти обличенія подають поводъ Ктизиппу преслѣдовать Эвтидема и Діонисіодора колкими островами и насмѣшками, а Сократу — случай дать имъ новый урокъ, какъ лучше рассуждать о добродѣтели. Мы, кажется, остановились на томъ, говоритъ онъ Клиніасу, что надобно заботиться о приобрѣтеніи мудрости, то-есть, философствовать. Теперь вотъ вопросъ: какой мудрости, какого знанія долженъ искать философъ? Вѣроятно такого, которое принесло бы ему пользу? Но не все, что можетъ принести пользу, должно быть предметомъ нашихъ исканій. Есть знанія и искусства, доставляющія намъ хорошіе плоды, но не показывающія, какъ употреблять ихъ, и по тому недостаточныя для истиннаго счастья. Надобно желать такого знанія, которое давало бы намъ полезныя орудія и научало благоразумному употребленію ихъ. Столь важное знаніе, строго судя, не есть ни игра на цитрѣ, ни искусство писать рѣчи, ни военная наука. Но нельзя ли разумѣть его подъ именемъ искусства царскаго, или политическаго? — Обнимая собою всѣ части государства, оно конечно представляется знаніемъ высокимъ, и однакожь едвали заключаетъ въ себѣ то, чего мы ищемъ.

Изъясняя эти мысли, Сократъ съ намѣреніемъ показы-

ваетъ нѣкоторую нерѣшительность въ своихъ сужденіяхъ и тотчасъ проситъ собесѣдниковъ высказать свое мнѣніе о томъ же предметѣ. Онъ довольно ясно намекнулъ, что знаніе, составляющее истинную добродѣтель, поколику оно умѣетъ правильно употреблять блага, есть знаніе честнаго и твердое убѣжденіе въ справедливости нравственнаго долга. Но это ученіе было не въ духѣ вѣка, и потому современники не могли понять великой мысли философа. Что за знаніе, думали они, которое Сократъ почиталъ необходимымъ условіемъ добродѣтели? Общимъ потокомъ мнѣній, кажется, увлекался и Ксенофонтъ, одинъ изъ приближенныхъ слушателей сына Софронискова, когда подъ именемъ его знанія понималъ даръ отличать полезное отъ бесполезнаго¹. Платонъ разумѣлъ это вѣрнѣе, и вотъ по чему такъ часто заставляетъ Сократа разсуждать о знаніи и добродѣтели. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ въ Протагорѣ, такъ и въ Эвтидемѣ, начала его философіи вполнѣ отнюдь не раскрываются. Сократъ большею частію, начиная отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ софистики, идетъ къ своей цѣли мало по малу и, не достигая до послѣднихъ результатовъ, вдругъ прекращаетъ изслѣдованія, или заключаетъ ихъ иронією. Такъ, на примѣръ, въ настоящей своей бесѣдѣ съ Клиніасомъ, онъ сперва, въ угодность софистамъ, опредѣляетъ понятіе о добродѣтели пользою; потомъ взвѣшиваетъ разные роды пользы и подъ эту мѣру подводитъ каждое искусство порознь, на примѣръ, воинское, которымъ такъ много занимались наши *ἐπλομάχοι*, риторское, которое до того было возвышено въ глазахъ современниковъ, что философія предъ нимъ ничего не значила и находилась въ презрѣніи, и царское или политическое, которымъ по видимому особенно любилъ хвастаться Протагоръ. Удивительно, что никто изъ комментаторовъ Платона не обращалъ должнаго вниманія

¹ Объ этомъ весьма хорошо судитъ *Dissenius de philosophia morali in Xenophontis de Socrate commentariis tradita. Götting. 1812. 4. сравн. Brandis. Mus. Rhen. Vol. 1. p. 123. sqq. p. 134. sqq.*

на то важнѣйшее мѣсто Эвтидема, гдѣ говорится о царскомъ искусствѣ. Давно надлежало бы спросить и изслѣдовать: для чего Сократъ такъ пространно разсуждаетъ о томъ, что политика или нисколько не относится, или весьма мало относится къ добродѣтели? Мы не сомнѣваемся, что весь этотъ отдѣлъ разговора направленъ противъ Протагора, по мнѣнію котораго, вся наука о добродѣтели была, кажется, *политική* или *βασιλική τέχνη*. Твердымъ основаніемъ нашей увѣренности въ этой мысли служатъ тѣ мѣста въ Платоновомъ Протагорѣ, гдѣ этотъ софистъ поставляетъ добродѣтель въ умѣньи устроить домашнюю и общественную свою жизнь, и производитъ ее отъ боговъ, чтобы упрочить благоденствіе общества ¹. Если же наше мнѣніе справедливо; то къ какой бы стати Платону, въ разсматриваемомъ разговорѣ, нападать на Протагора, если бы Эвтидемъ и Діонисіодоръ не были его учениками? Но послѣдуемъ за ходомъ бесѣды.

Сколько ни старался Сократъ навести софистовъ на надлежацій путь изысканій и отвлечь отъ пустословія, — ничто не помогало. Едва онъ договорилъ послѣднія слова объ искомомъ предметѣ, какъ вдругъ Эвтидемъ спрашиваетъ его: Хочешь ли, Сократъ, я научу тебя тому знанію, котораго ты такъ сильно добиваешься? или лучше, не угодно ли, я докажу тебѣ, что ты давно уже обладаешь имъ? — Кто знаетъ, продолжалъ онъ, тотъ имѣетъ знаніе; кто имѣетъ знаніе, тотъ, въ силу аксіомы, что одно и то же не можетъ вмѣстѣ быть и не быть, одаренъ знаніемъ; а кто одаренъ знаніемъ, тотъ непременно знаетъ все, потому что, не зная чего-нибудь, онъ былъ бы лишенъ знанія, что противно допущенному выше. Если же, Сократъ, ты знаешь все; то знаешь и то, что желалъ знать.

Не безъ особенной цѣли Платонъ влагаетъ и этотъ софизмъ въ уста Эвтидема и Діонисіодора. Здѣсь, какъ мы думаемъ, — новое указаніе на близкія отношенія ихъ къ Про-

¹ Protag. p. 318. E. sqq. p. 322. sqq.

тагору. Извѣстно, что Протагоръ признавалъ человѣка мѣриломъ всего ¹ и думалъ, что вещи такъ существуютъ, какъ кому представляются. На этомъ основаніи, естественно, не могло быть мѣста незнанію; всякій непременно зналъ все. Напрасно Сократъ увѣряетъ софистовъ, что онъ не все знаетъ;—не хотятъ слушать и, чтобы легче изумить его своими заключеніями, предписываютъ ему не заговариваться, а отвѣчать на ихъ вопросы коротко: да, или нѣтъ. Послѣ этого Сократу ничего не оставалось болѣе, какъ ловить ихъ въ ихъ же западню, отложивъ въ сторону начала собственной философіи. И вотъ онъ спрашиваетъ: не ужели они, зная нѣчто, будутъ утверждать, что все знаютъ? — Положительный отвѣтъ софистовъ мгновенно представилъ Ктизиппу тму нелѣпыхъ заключеній, и этотъ пылкій молодой человѣкъ начинаетъ колко шутить надъ мудрецами. Между тѣмъ Эвтидемъ, привязавшись къ словамъ Сократа, что онъ не все знаетъ, строить новый софизмъ. Кто знаетъ что-нибудь, говоритъ онъ, тотъ знаетъ это тѣмъ же, а не другимъ; а кто знаетъ что-нибудь тѣмъ же, тотъ знаетъ все и всегда. — Сократъ отвѣчаетъ, что умъ его конечно одаренъ знаніемъ, но въ этомъ знаніи содержится не все, а только то, что онъ знаетъ; потомъ предлагаетъ вопросъ Діонисіодору: знаю ли я, что добрые люди бываютъ несправедливы? — Діонисіодоръ, думая, что Сократъ не одобряетъ этой мысли, говоритъ: не знаешь, — и такимъ образомъ противорѣчитъ прежнему своему положенію, что всѣ и все знаютъ. Тогда Сократъ, обращаясь къ Эвтидему, спрашиваетъ его: какъ тебѣ кажется, Эвтидемъ? справедливо ли судить братъ твой? — Но Діонисіодоръ, чтобы вывести его и себя изъ затрудненія и дать разговору новое направленіе, вдругъ предлагаетъ вопросъ и съ своей стороны: что? развѣ я братъ Эвтидему? — Однакожь Сократъ не отвѣчаетъ ему, и на упрекъ софиста, что онъ избѣгаетъ отвѣтовъ, говоритъ:

¹ *Menag.* ad Diog. L. IX. 51.

васъ двое, а я одинъ: вотъ, еслибъ и со мною былъ братъ мой Патроклъ; то дѣло пошло бы иначе. — Такъ Патроклъ братъ тебѣ? спрашиваетъ Эвтидемъ. — Вопросъ, очевидно, прежній, только перемѣнены лица. — Да, мы съ нимъ отъ одной матери, но отъ разныхъ отцовъ, говоритъ Сократъ: отецъ Патрокловъ былъ Хередемъ, а мой Софронискъ. — Значить Софронискъ, подхватилъ софистъ, есть другой въ разсужденіи отца? слѣдовательно онъ не отецъ? и у тебя, Сократъ, нѣтъ отца?

Послѣдній софизмъ построенъ, очевидно, на томъ положеніи древней діалектики, которымъ утверждалось, что одно сказуемое не можетъ причисловать многимъ вещамъ или лицамъ, что каждый предметъ имѣетъ свои особенныя свойства. По свидѣтельству Плутарха ¹, это положеніе было развито преимущественно Стильпономъ; но еще гораздо ранѣ знали его софисты, какъ видно изъ словъ Платона ²: «Такъ, пожалуй, мы дадимъ возможность спорить и дѣтямъ, «и запоздалымъ умникамъ; ибо всякій тотчасъ возразитъ, «что одно не есть многое, и многое не есть одно. Иные еще «будутъ рады не называть человѣка добрымъ, а только добро «называть добромъ, человѣка — человѣкомъ». Шлейермахеръ въ этихъ словахъ видитъ упрекъ Антисоену; но по нашему мнѣнію, онѣ ближе относятся къ Эвтидему и Діонисіодору, особенно когда сообразимъ указаніе на нихъ Цицерона ³: *ὀψιμαδεῖς* (запоздалые умники) *autem homines scis quam insolentes sint.* — Въ слѣдъ за обиднымъ для Сократа заключеніемъ софистовъ, Ктизиппъ дѣлаетъ столь же обидный вопросъ самимъ софистамъ: но и вашъ отецъ, говоритъ онъ, отличенъ ли отъ моего? — Нѣтъ не отличенъ, отвѣчаютъ они, потому что иначе остались бы безъ отца. — Какъ же такъ? продолжаетъ Ктизиппъ: вашъ отецъ есть ли отецъ и

¹ Adv. Colot. p. 1119. C. s. 22, p. 573. Vol. V. Сн. *Deyks*, de Megaricorum doctrina p. 83. sq.

² Sophist. p. 251. C. сравн. 260. A. B. Phileb. p. 14. C.

³ Epist. famil. IX. 20.

другихъ?—И другихъ, говорятъ они. — Отсюда противникъ тотчасъ выводитъ заключеніе, что отецъ ихъ есть отецъ всѣхъ, и мать ихъ есть мать не только людей, но и животныхъ, — и софисты не смѣютъ отвергать этого невыгоднаго для себя заключенія; потому что въ противномъ случаѣ имъ надлежало бы остаться безъ отца и матери. Такъ-то ничтожна софистическая діалектика! Не только Сократъ, но и неопытный юноша, едва вступившій на поприще эристики, опутываетъ Эвтидема и Діонисіодора собственными ихъ словами, и основное положеніе ихъ, что одного и того же сказуемаго нельзя приписать многимъ подлежащимъ, уничтожаетъ самую легкую выходкою.

Слѣдующіе далѣе софизмы двухъ братьевъ суть не болѣе какъ грамматическія уловки, что опять напоминаетъ Протагора. Протагоръ, какъ извѣстно, очень любилъ играть формами языка и составлялъ ихъ такъ, чтобы въ нихъ заключались различныя мысли¹. Это искусство вѣроятно прилагалъ онъ и къ діалектическимъ преніямъ. Другой цѣли грамматическія его упражненія, кажется, не имѣли и не могутъ идти въ сравненіе съ благонамѣреннымъ разборомъ словъ и выраженій, которымъ такъ усердно занимался Продикъ². Но что далѣе?

Одно слово, случайно вырвавшееся у Сократа, даетъ софистамъ поводъ къ новымъ лжеумствованіямъ. Сократъ совѣтуетъ Клиніасу не шутить такими прекрасными вещами, каковы парадоксы мудрецовъ, — и у Діонисіодора вдругъ готовъ силлогизмъ. Прекрасныя вещи, говоритъ онъ, будучи отличны отъ самаго прекраснаго, тѣмъ не менѣе имѣютъ въ себѣ красоту: по этому и твой быкъ, Сократъ, будучи отличенъ отъ тебя, тѣмъ не менѣе есть ты; ибо нѣтъ невозможнаго, чтобы то, что отлично отъ другаго, было тѣмъ самымъ, отъ чего оно отлично.

¹ *Spengel*. *Artium Scriptorr.* p. 40. sqq. *Classen.* de grammaticae graecae primordiis. p. 31. sqq.

² *Welker.* въ *Mus. Rhen. Nov.* Vol. 1. P. 1. p. 461. sqq.

Этотъ софизмъ очевидно направленъ противъ Сократова ученія объ общихъ понятіяхъ и тѣснѣйшей связи ихъ съ вещами недѣлимыми, откуда потомъ Платонъ вывелъ свое заключеніе, что сущность вещей содержится въ идеяхъ. Все различіе между Сократовою и Платоновою мыслію состояло въ томъ, что первая имѣла характеръ логическій, а послѣдняя — метафизическій: это замѣтилъ еще Аристотель ¹. Извѣстно, что между эристами и послѣдователями Сократа были большіе споры и разногласія объ отношеніи родовыхъ и индивидуальныхъ понятій. Послѣдніе утверждали, что можно соединять понятія частныя, и подводить ихъ подъ одно родовое, или умственное: а первые доказывали, что частныхъ понятій соединять нельзя; ибо сказуемая, усвояемая какою нибудь вещи, не содержится въ ея сущности, но приписываются ей отвлѣ (то-есть отъ нашего ума), какъ нѣчто чуждое. Нѣкоторые же это положеніе простирали еще далѣе, отрицая вообще возможность утверждать — что бы то ни было о каждомъ предметѣ ². Къ такимъ-то эристамъ надобно отнести и нашихъ софистовъ.

Вотъ та часть разговора, въ которой Платонъ съ неподражаемымъ искусствомъ связалъ въ одно цѣлое почти всё, славившіеся въ его время софизмы! Здѣсь каждое отдѣленіе носить печать его генія: не возможно было лучше изобразить и опровергнуть бѣдность, пустоту и пошлость эристики; нельзя было также яснѣе раскрыть достоинство Сократовой методы и показать, въ какой степени она способна къ распутыванію самыхъ затѣйливыхъ хитросплетеній. Здѣсь даже длинное и нѣсколько утомительное пустословіе софистовъ допущено не безъ основанія. Въ Греціи діалектика, въ извѣстный періодъ времени, была всеобщою заразою: многіе по цѣлымъ днямъ находились въ сообществѣ говорунновъ, щеголявшихъ гибкимъ умомъ и смѣшившихъ слабоуміе и

¹ *Metaph.* XIII. 4. сн. 1. 6.

² См. *Soph.* p. 251. *C. Phileb.* p. 14. *C. Arist. Metaph.* IV. 19. p. 119. VII. 3. p. 169.

невѣжество необыкновенными силлогизмами; такъ что не только Платонъ, но и Аристотель почелъ нужнымъ подвергнуть строжайшей критикѣ всѣ умствованія тогдашнихъ Эвтидемовъ и Діонисіодоровъ.

Выше сказано, что одною изъ главныхъ цѣлей, которыя Платонъ имѣлъ въ виду при сочиненіи Эвтидема, было также защитить истинную философію своего учителя отъ несправедливаго нареканія современниковъ. Такимъ апологетическимъ мыслямъ посвящена послѣдняя часть этого разговора. Пересказавъ Критону свою бесѣду съ двумя софистами, Сократъ совѣтуетъ и ему поучиться у столь мудрыхъ людей: но Критонъ, не понявъ шутки, простодушно сознается, что такой совѣтъ ему не нравится, даже упрекаетъ Сократа за короткое обращеніе съ этими ничтожными спорщиками, и рассказываетъ, что одинъ логографъ, слышавшій ихъ бесѣду, преважно рѣшилъ, что всѣ философы занимаются пустяками и вся философія — вздоръ. Между тѣмъ Критонъ съ своей стороны отдаетъ ей полную справедливость и дружески совѣтуетъ Сократу держаться подалѣе отъ подобныхъ учителей, что бы не подавать людямъ причины презирать и поносить превосходную науку. На этотъ совѣтъ Критона Сократъ отвѣчаетъ во-первыхъ — описаніемъ тѣхъ логографовъ, изъ которыхъ одинъ разговаривалъ съ нимъ, во-вторыхъ — замѣчаніемъ, что по всѣмъ отраслямъ искусствъ есть и хорошіе и худые преподаватели, и что отъ дурныхъ качествъ учителя несправедливо было бы заключать о ничтожествѣ и вздорности науки.

Этимъ оканчивается Платоновъ Эвтидемъ. Упустивъ изъ вида послѣднюю бесѣду Сократа съ Критономъ, мы рѣшительно не могли бы понять, къ чему клонились первыя двѣ части разговора: но теперь ясно видимъ, что онѣ направлены къ оправданію истинной философіи вообще, и Сократова лица въ частности. Платонъ хотѣлъ доказать, что враги Сократа несправедливо относятъ его къ числу софистовъ и уничижаютъ достоинство мудрости.

Но кого надобно почитать главными его врагами? По прямымъ указаніямъ Платонова Эвтидема, то были логографы, образовавшіеся подъ вліяніемъ Антифона и Горгіаса. Извѣстно, что Антифонъ Рамнузіійскій первый началъ писать судебныя рѣчи и продавать ихъ людямъ, имѣвшимъ какое нибудь тяжebное дѣло ¹. Логографы обладали поверхностными понятіями о философіи, но гордились своимъ ремесломъ: они почитали себя важными политическими мужами, а ученіе Сократа, великаго философа своего времени, смѣшивали съ пустыми, утонченными умствованіями софистовъ. Изъ такихъ-то логографовъ одинъ разговаривалъ съ Критономъ и произносилъ нелѣпыя отзывы о философіи вообще, и въ частности—о лучшемъ преподавателѣ ея, Сократѣ. Ученые многократно изслѣдывали, на кого именно изъ логографовъ Платонъ мѣтитъ въ своемъ Эвтидемѣ. Гейндорфъ и Шлейермахеръ думаютъ видѣть здѣсь Исократа: но онъ совсѣмъ не былъ противникомъ Сократовой философіи; по крайней мѣрѣ Платонъ въ своемъ Федръ ² отзывается о немъ съ похвалою. Равно нельзя разумѣть тутъ и Лизіаса, какъ полагаетъ Grön van Prinsterer ³. Платонъ, правда, замѣчаетъ въ немъ недостатокъ философскаго образованія; но отнюдь не обвиняетъ его въ клеветѣ на Сократа. По мнѣнію Винкельмана ⁴, то былъ Тразимахъ Халкидонскій: но и онъ, судя по изображенію его въ первой книгѣ Государства, не презиралъ философіи, подобно выставленному въ Эвтидемѣ логографу. Наконецъ Сауцій ⁵, упоминаемымъ здѣсь логографомъ почитаетъ Θεοδωρα Βιζαντίησκου, который въ Федръ (р. 266. E.) называется *λογοδαίδαλος*, а по Эвтидему (р. 305. E.), будто бы имѣетъ въ виду τὰ εἰκότα τοῦ λόγου, свойства

¹ См. *Quintil. instit.* III. 1, 11. *Ammian. Marcell.* 30. 4. personatus Plutarch. *Vitt. decem oratorr.* p. 307. ed. Reisk.

² *Phaedr.* p. 279. D.

³ *Prosopogr. Plat.* p. 117.

⁴ *Prolegg.* p. XXXIV. sqq.

⁵ *Zimmerm. Mus. stud. antiquitt.* a 1835. № 50.

рѣчи, сообразныя съ требованіями времени и моды ¹. Но τὰ ἐικότα характеризовало занятіе всѣхъ вообще риторовъ, начиная съ Тизіаса до Коракса ². Намъ кажется, что Платонъ не указываетъ здѣсь ни на одно частное лице, иначе онъ не забылъ бы отгнать его какими-нибудь характеристическими чертами; но подъ однимъ логографомъ разумѣтъ всѣхъ. Эта догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что ему и слѣдовало опровергнуть не частное, неблагопріятное мнѣніе о Сократѣ, а то, которое господствовало въ цѣломъ классѣ риторовъ.

Но какое отношеніе между софистами и логографами? по чему Платонъ, обличивъ нелѣпыя умствованія первыхъ, въ одномъ и томъ же сочиненіи отзывается невыгодно и о послѣднихъ? — Логографы, подобно ораторамъ, никакъ не хотѣли равняться съ софистами, не смотря на то, что пользовались ихъ наставленіями и методою состязанія. Извѣстно, что Горгіасъ боялся прослыть въ народномъ мнѣніи ихъ единомышленникомъ ³. Писатели рѣчей почитали себя важными политическими особами; а мы знаемъ, что политики были весьма немилостивы къ софистамъ. Въ одномъ разговорѣ ⁴ Сократъ спрашиваетъ Анита: прилично ли Менону слѣдовать наставленіямъ софистовъ? — и Анитъ прокликаетъ ихъ, какъ язву общества. Почти въ томъ же смыслѣ называются они τῶν πολιτικῶν ἀντιτέχνοι ⁵. Презирая ихъ съ ихъ диалектикою, логографы были непримиримыми врагами и философіи. Необразованные, полуученные, они не находили въ ней ничего добраго и не умѣли отличить ее отъ пустой эристики; къ томужъ терпѣть не могли и самаго Сократа за его наивные, но почти всегда мѣткіе вопросы, заставлявшіе ихъ молчать и ронявшіе ихъ значительность въ глазахъ толпы. Послѣ этого неудивительно, что Платонъ, любитель фило-

¹ Spengel. Synagog. p. 98. sqq.

² Phaedr. p. 267. A. p. 272. D. E.

³ Fossius de Gorgia Leont. p. 41.

⁴ Menon. p. 31. A.

⁵ de Rep. VI. p. 493. A.

софii и почитатель сына Софронискова, вооружился на нихъ всею силою иронii и старался доказать, что они не должны смѣшивать — ни Сократа съ софистами, ни истинной мудрости съ пустыми діалектическими тонкостями.

Нельзя также оставить безъ изслѣдованiя довольно важнаго вопроса: почему Платонъ видѣлъ враговъ Сократа только въ логографахъ, а не упомянулъ о комикахъ, напримеръ, объ Аристофанѣ, Амипсiасѣ и Эвполисѣ, которые не выводили его на сцену въ каррикатурномъ видѣ?

Въ то время, когда Платоновы сочиненiя начинали выходить въ свѣтъ, Аристофанъ уже понялъ всю свою несправедливость въ отношенiи къ Сократу: за это ручаются многіе факты изъ литературной его жизни. Замѣчательно, что послѣ комедii «Облака», поставленной на сцену 1,89 олимп., ни въ одной Аристофановой пьесѣ нѣтъ выходокъ, оскорбительныхъ для Сократовой личности. Въ «Птицахъ», появившихся въ 2,91 олимп., поэтъ коснулся только цинической внѣшности нашего философа, и-то мимоходомъ (vers. 1271, 1541 ed. Dindorf); а въ «Лягушкахъ» — сочиненiи, относящемся къ 3,93 олимп., онъ уже упоминаетъ о дружбѣ Сократа съ Эврипидомъ (vers. 1491). Замѣчательно еще, что въ 4,89 олимп. ¹, пересмотрѣвъ свои «Облака», Аристофанъ рѣшился совершенно передѣлать ихъ и первое изданiе предалъ забвенiю. Какая могла быть причина столь скорой перемѣны мыслей въ ихъ сочинителѣ? — Безъ сомнѣнiя онъ узналъ теперь въ Сократѣ человѣка съ прекрасною душою, благороднымъ характеромъ, высокою нравственностію, пламенною любовію къ отечеству, — и не хотѣлъ, вопреки своему убѣжденiю, забавлять Аѣинскую чернь сценическими насмѣшками надъ истиннымъ мудрецомъ. Неудивительно, что послѣ такого благороднаго поступка со стороны Аристофана, Платонъ не коснулся его личности въ Эвтидемѣ.

Напрасно нѣкоторые критики предполагаютъ, что въ «Облакахъ» перваго изданiя были осмѣяны одни софисты, а роль

¹ *Hermann*. praefat. ad Nubb. p. XIII. sqq. *Palmerius* exercitt. p. 723.

Сократа вставлена уже во второе. Послѣ умныхъ изслѣдованій Германа и Пальмерія, эта догадка оказалась вовсе неосновательною. Самъ Аристофанъ (in *Parabasi secundae recensionis* vers. 513 et *Vespar.* v. 1050—60), отзываясь объ «Облакахъ», какъ объ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ, и жалуется на Аѳинянь, не умѣвшихъ должнымъ образомъ оцѣнить ее. Можно ли думать, что бы послѣ этого онъ рѣшился поставить ее на сцену съ разными переменами и прибавками? Невѣроятно также, чтобы Платонъ въ своей Апологіи, упоминая о комедіи Аристофана, указывалъ на ея передѣлку. По самому существу цѣли, онъ долженъ былъ опираться на сочиненіе, уже знакомое публикѣ. Схолиасты дѣйствительно упоминаютъ о второй рецензій «Облаковъ»; но Германъ доказалъ, что эта рецензія не была докончена, и что дошедшія до насъ «Облака» составлены по обоимъ ихъ изданіямъ ¹.

И такъ, Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ оставилъ Аристофана въ покоѣ не по тому, что въ «Облакахъ» перваго изданія Сократъ не былъ выведенъ на сцену въ ролѣ софиста, а по тому что первый въ то время былъ уже другомъ послѣдняго, и эти дружескія ихъ отношенія живо изображаются потомъ въ Платоновомъ Пирѣ. Нашего мнѣнія не опровергають слова Сократа въ Апологіи (р. 19. В. С.), что комедія Аристофанова не мало содѣйствовала къ распространенію несправедливыхъ о немъ сужденій. Сократъ, не покидавшій прони и въ присутствіи своихъ судей, указалъ здѣсь не на писателя «Облаковъ», а на тѣхъ, которые въ комедіи, давно забытой самимъ сочинителемъ, не переставали искать пищи для своей клеветы.

Почти въ одно время съ «Облаками» явился на сценѣ и «Коннъ» Анипсиаса. Эта комедія написана была, кажется, не для того, чтобы осмѣять Сократа, а просто для потѣхи зрителей, любившихъ вообще пошутить надъ философами. Кто

¹ См. *Wolf.* praef. ad nubb. p. IV. *Böckh.* de Gracae Traged. princip. p. 21.

былъ этотъ Коннъ? — Отъ Цицерона до Винкельмана его считали отличнымъ виртуозомъ и лучшимъ въ свое время учителемъ музыки ¹. Но возможно ли, чтобы въ Греціи, отечествѣ изящныхъ искусствъ, славный виртуозъ влачилъ нищенскую жизнь, добивался куска хлѣба воспитаніемъ дѣтей и былъ игрушкою комическихъ писателей? Между тѣмъ несомнѣнно, что Коннъ, изображаемый Аристофаномъ ² и Кратиномъ ³, — тотъ самый, о которомъ говоритъ Платонъ. А изъ словъ ихъ видно, что этотъ знаменитый артистъ былъ не болѣе, какъ смѣшной, пьяный и обжорливый старикъ. Всѣ достоинства, какими могъ онъ гордиться, ограничивались давними музыкальными побѣдами, которыя глубоко врѣзались въ его душу, и въ воспоминаніе которыхъ онъ, не смотря на крайнюю бѣдность, всегда носилъ вѣнокъ на головѣ. На старости лѣтъ занятіе его состояло въ преподаваніи дѣтямъ музыки: а гдѣ дѣти, тамъ любилъ бывать и Сократъ, и по этой причинѣ, вѣроятно, посѣщалъ Конна. Можетъ быть ихъ не менѣе сближало сходство обстоятельствъ и характеровъ. Сынъ Софрониска, подобно Конну, терпѣлъ горькую нужду и въ простонародѣ назывался бѣднякомъ, *ὁ πένης* ⁴; а Коннъ, подобно Сократу, не былъ равнодушенъ къ философскимъ умозрѣніямъ и иногда любилъ дѣлить время съ софистами. По свидѣтельству Атенея (V. р. 218. С.), Амипсіасъ въ своемъ «Коннѣ» вывелъ на сцену хоръ созерцателей, *φροντιστῶν*, чего конечно не сдѣлалъ бы онъ, если бы Аѳиняне не знали Конна, какъ большаго охотника до ученыхъ бесѣдъ. Притомъ у нашего учителя музыки была пре-

¹ *Cicer. epist. famil IX. 21. Max. Tyr. p. 225. T. II. et al. Winkelm. praef. p. XL. sq. Schleierm. Opp. Plat. T. II. Vol. III. p. 532.*

² *Aristoph. Equitt. vers. 534.* «Это разваливающийся старикъ, Коннъ, съ засохшимъ вѣнкомъ на головѣ, который умираетъ отъ жажды, и котораго, за прежнія побѣды, надлежало бы поить въ Пританіумѣ».

³ Схолиастъ, ad *Equitt. v. 531*, приводитъ слѣдующія слова Кратина: «Кушай и благодари брюхо, пока не одолѣлъ тебя голодъ; да любить тебя вѣнцелюбець Коннъ». — Явный намекъ на Гезіода (*Opp. et dier. v. 299*): *φιλήν δὲ ἐυστέφανος Δημήτηρ.*

⁴ *Xenoph. oecop. II. 3. сн. Plat. Apolog. p. 23. B.*

смѣшная физиогномія и самыя странныя ухватки. Случалось, онъ гулялъ по улицамъ съ преважнымъ видомъ, украшенный вѣнкомъ; а иногда бродилъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Сократу ли было не сблизиться съ такимъ оригиналомъ? Философъ могъ придумать предлогъ, будто хочетъ брать у него уроки, и такимъ образомъ войти съ нимъ въ короткое знакомство. По крайней мѣрѣ въ комедіи Амипсіаса Сократъ, въ изношенномъ своемъ плащѣ, занимаетъ самое видное мѣсто между собесѣдниками Конна ¹. Это сборище софистовъ вѣроятно казалось очень забавнымъ, по тому что комедія «Коннъ» нравилась публикѣ больше другихъ ². Можетъ быть Амипсіасъ, для эффекта, заставлялъ Конна въ потѣ лица толковать подобнымъ ему старикамъ музыкальную гамму, и чрезъ это ввелъ его въ пословицу, какъ учителя стариковъ, *γερωντοδιδάσκαλον*. — И такъ, по чему же Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ не говоритъ прямо объ Амипсіасѣ?—Безъ сомнѣнія по тому, что этотъ комикъ представилъ Сократа, не какъ софиста, а какъ болтливаго и мелочнаго старика, за что онъ не только не сердился, но еще самъ шутилъ надъ собою въ томъ же отношеніи.

О комедіи Эвполиса, который въ угодность современному вкусу и легкомыслію, выводилъ также на сцену сына Софронискова, почти не стоитъ и говорить; по тому что эта комедія не имѣла успѣха, а слѣдовательно и не могла быть обидною для нашего философа. При томъ Эвполисъ изображалъ Сократа, не какъ софиста, а какъ жалкаго изслѣдователя небесныхъ вещей, или что-то похожее на это. По крайней

¹ На это указываютъ нѣсколько стиховъ изъ комедіи Амипсіасъ, сохранныхъ *Диономомъ Лаерціемъ* (II. 23): «И ты, Сократъ, мужъ лучший изъ немногихъ, и пустѣйшій изъ многихъ, — и ты страдалецъ, пришелъ къ намъ! Откуда у тебя такой плащъ? Это безъ сомнѣнія—злой умыселъ кожевниковъ?»

² Полное содержаніе Амипсіасова «Конна» намъ неизвѣстно. *Meineke. quaest. scen. прес. secund. 43. Ranke in Seebod bibl. crit. a. 1828 n. 31. p. 247.*

мѣрѣ такъ позволяютъ думать отрывки Эвполисова сочиненія у Рункенія (р. 175 sq.) ¹.

Остается еще опредѣлить время, когда написанъ Эвтидемъ. Въ самомъ разговорѣ почти нѣтъ ни какихъ признаковъ, по которымъ можно было бы угадать годъ его выхода изъ подъ пера Платонова. Шлейермахеръ, основываясь на словахъ (271 С): «изъ Туріоса ушли въ нашу сторону» заключаетъ, что бѣгство двухъ братьевъ случилось вмѣстѣ съ Лизіасомъ, слѣдовательно въ 2,92 олимпиады. Но въ Туріосѣ не разъ возникали народныя тревоги, враждебныя софистамъ. Не болѣе справедлива и мысль Пинзгера ², который изъ словъ Платона на страницѣ 275 выводитъ догадку, что сочиненіе разговора произошло будто бы прежде изгнанія Алкивіада, а именно въ 4,91 олимпиады. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Винкельмана, что Эвтидемъ написанъ послѣ смерти Протагора: по крайней мѣрѣ это подтверждается выраженіемъ Платона (р. 286. С.): «оно (умозаключение) было въ большомъ ходу у учениковъ Протагоровыхъ и еще прежде ихъ». Но такъ какъ Протагоръ, по изслѣдованію *Фререта* ³ и *Геелія* ⁴, умеръ за 410 лѣтъ до Р. Х., то время написанія Эвтидема надобно относить къ 3,92 олимпиады. Впрочемъ и этого еще мало: разсматриваемый разговоръ изданъ, кажется, не ранѣе, какъ въ началѣ 94 олимп., когда Аристофанъ уже успѣлъ примириться съ Сократомъ, то есть, въ послѣдніе годы Сократовой жизни. Нашу мысль оправдываютъ—и содержаніе и духъ всего сочиненія. По апологитическому своему характеру, оно могло имѣть особенную важность тогда, какъ враги Сократа уже успѣли распространить въ народѣ самые невыгодные отзывы и о немъ и о его философіи, и такимъ образомъ приготовляли ему тюремное заключеніе и смерть: одна-

¹ *Fritsch*. quaest. Aristoph. P. 1. p. 217.

² *Pinzgeri*, specim. nov. edit. Euthydemii p. 10.

³ *Memoir. de l'Academ. d. inscript.* T. 47. p. 277—282.

⁴ *Histor. Sophistar.* p. 70.

ножъ, въ разговорѣ еще ни слова не говорится о тѣхъ людяхъ, которые оклеветали его предъ судьями уже по формѣ.

Сказавъ все, что, по нашему мнѣнію, нужно было сказать для поясненія Эвтидема, мы смѣло можемъ повторить прежнюю свою мысль, что въ этомъ сочиненіи, отъ начала до конца, живо отражаются—геніальный умъ и художническое чувство Платона. Всѣ части его, прекрасно обработанныя порознь, сведены въ одно гармоническое цѣлое и направлены къ одной общей цѣли, указанной въ началѣ нашего разсужденія. Тѣмъ не менѣе встрѣчаютъ сомнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ въ подлинности этого разговора. И на чемъ основываются ихъ сомнѣнія? Во-первыхъ на томъ, что въ Эвтидемѣ не видно самаго Платона, а только раскрыты мысли Сократовой философіи; во-вторыхъ на томъ, что этотъ разговоръ заключаетъ въ себѣ много шутовскихъ выраженій и пословиць. Но вспомнимъ, что Платонъ писалъ его въ молодыхъ лѣтахъ, еще не успѣвъ развить оригинальной своей идеи, и излагалъ, думая не о себѣ, не о своемъ ученіи, а единственно о чести учителя, сильно колеблемой въ народномъ мнѣніи. Вспомнимъ и то, что онъ былъ превосходный мимикъ и, когда надлежало ввести въ свою бесѣду софистовъ, вводилъ ихъ съ свойственными имъ ухватками, поговорками, вкусомъ и нравами; а софисты, какъ извѣстно, были не слишкомъ разборчивы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. При томъ должно замѣтить, что во всякомъ сочиненіи непременно бываютъ такія стороны, которыми оно поставляется въ ближайшую и исключительную связь съ характеромъ современной жизни; такъ что потомство ошиблось бы, если бы съ этихъ сторонъ вздумало оцѣнивать его собственнымъ своимъ взглядомъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

КРИТОНЪ, СОКРАТЬ, ЭВТИДЕМЪ, ДІОНИСИОДОРЪ, КЛИНІАСЪ И КТИЗИППЪ.

Крит. Съ кѣмъ это, Сократъ, разговаривалъ ты вчера въ 271. Ликеѣ? Вы окружены были такою толпою народа, что, подошедши послушать васъ, я никакъ не могъ вслушаться въ предметъ вашего разсужденія; а когда приподнялся на пальцы, — мнѣ показалось, что съ тобою бесѣдовалъ какой-то иностранецъ. Кто онъ такой?

Сокр. О которомъ иностранцѣ спрашиваешь ты, Критонъ? Тамъ былъ не одинъ, а два.

Крит. Тотъ, котораго я разумѣю, сидѣлъ третій по правую твою руку, а между вами—маленькой сынъ Аксіоха (¹), в. который на мой взглядъ, очень подросъ, такъ что, по возрасту, какъ будто не многимъ отстаетъ отъ нашего Критовула, только тотъ сухощавъ, а этотъ полонъ, красивъ и хорошъ лицомъ.

Сокр. Иностранецъ, о которомъ ты спрашиваешь, Критонъ, былъ Эвтидемъ, а по лѣвую руку возлѣ меня сидѣлъ братъ его, Діонисіодоръ, и также участвовалъ въ разговорѣ.

Крит. Я не знаю ни того ни другаго, Сократъ.

¹ *Сынъ Аксіоха, Ἀξιοῦ υἱὸς κλεινίου*, то-есть Клиніасъ, внукъ Аксіоха перваго. τοῦ ἡμετέρου..... *Критовулы*. Критовуль, сынъ Критона, красавецъ и любимецъ Сократа, *Diog. L. 11. 13, 121. Plat. Apol. p. 38. 13. Phaed. p. 59*, тщеславившійся своею красотою. *Xenoph. symp. III. 7. IV. 10. V. 1. sqq.* Поэтому *ἐκείνος μὲν σκληρρός* надобно относить къ Клиніасу, а не къ Критовулу. Значеніе словъ *σκληρρός* и *προφερός* хорошо опредѣляетъ Схолиастъ: *σκληρρός*, говоритъ онъ, *ὁ τῶ μὲν χρόνῳ πρεσβύτερος, τῇ δὲ ὄψει νεώτερος* дожднъ (это Клиніасъ) *προφερός δὲ, τῶ μὲν χρόνῳ νεώτερος, τῇ δὲ ὄψει πρεσβύτερος* (это Критовуль).

С. *Сокр.* Видно, какіе-то новые софисты ¹.

Крит. Откуда они? и въ чемъ состоятъ ихъ мудрость?

Сокр. Родомъ они, думаю, оттуда же, гдѣ и были, то-есть изъ Хіоса ²; потомъ переселились въ Туріосъ, а изъ Туріоса ушли въ нашу сторону и проживаютъ здѣсь уже много лѣтъ. Что же касается до мудрости, о которой ты спрашиваешь, то чудеса, Критонъ; они все знаютъ! До сихъ поръ я не понималъ, что такое всезнайка, а теперь—вотъ дивные атлеты! Это уже не акарнанскіе братья ³: тѣ были могучи только тѣлесными

Д. силами; а эти во-первыхъ—люди сильные и по тѣлу, въ такомъ родѣ боя, въ которомъ можно побѣждать всѣхъ ⁴, по тому что мастера не только сами владѣтъ оружіемъ, но за
272. извѣстную плату—научить и другихъ тому же; люди сильные ходятъ и по судамъ, гдѣ лично подвизаются и наставляютъ охотниковъ говорить и писать судебныя рѣчи. Донынѣ они были искусны только въ этомъ, а теперь уже вполне увѣнчали свое всепобѣдительное искусство: донынѣ по крайней мѣрѣ

¹ Слова: *видно, какіе-то новые софисты, καινοί τιτες... σοφισταί*, по нѣкоторымъ спискамъ влагаются въ уста Критона, и Штальбомъ находить это правдоподобнымъ, по выраженію, *ὡς ἔοικε*: но это выраженіе не только не препятствуетъ, а напротивъ заставляетъ относить ихъ къ Сократу; потому что оно значить: *какъ видно, или въпротиву*. Гейндорфъ и Шлейермахеръ не близко переводятъ его: *ut facile conjici potest, wie du leicht denken kannst*.

² Эти Хіосскіе выходцы, кажется, присоединились къ тѣмъ Аѳинянамъ, которые въ 2,84 ол. подъ предводительствомъ Лампона и Ксенократа переселились изъ Туріоса. *Diodor. XI. 90. XII. 7. 10*. Впрочемъ эмиграціи жителей изъ Туріоса происходили нѣсколько разъ, и причинами ихъ были враждебныя столкновенія турійскихъ партій.

³ Акарнанскіе братья, вѣроятно, были какіе-нибудь странствующие геркулесы, какихъ много является и нынѣ. Въ древности славились и, по необыкновенной силѣ, высоко цѣнились акарнанскія лошади. *Hoffman. Lex. v. Asarpania*.

⁴ *Въ такомъ родѣ боя, въ которомъ...., καὶ μάχη, ἤ...* Фицинъ правильно переводитъ: *et eo genere pugnae, quo omnia superantur*. Но подъ этимъ боемъ должно разумѣть не діалектическую изворотливость, а *ἔπλομαχίαν*, фехтованье, въ которомъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, по преданіямъ, были весьма искусны. *Naase ad Xenoph. de ger. Lacadaem. p. 218 seqq.* Сократъ, упоминая объ ихъ искусствѣ фехтовать, дѣлаетъ только аллюзію на искусство софистическое, и *ἔπλομαχίαν* соединяетъ подъ однимъ родомъ: *παυκράτιον εἶναι*.

одинъ родъ борьбы оставался у нихъ не испробованнымъ; а теперь и это такъ усовершено ими, что никто не въ состояніи противъ нихъ и заикнуться. Вотъ какъ сильными сдѣлались они въ устныхъ состязаніяхъ и въ опроверженіи всякой мысли, ложная ли она, или истинная! И такъ я думаю, В. Критонъ, ввѣрить себя этимъ мужамъ; потому что они обѣщаются въ короткое время сдѣлать и всякаго столь же сильнымъ.

Крит. Какъ, Сократъ! развѣ не пугаютъ тебя лѣта? Вѣдь ты уже старъ.

Сокр. Нисколько не пугаютъ, Критонъ. Я имѣю достаточную и утѣшительную причину не бояться ихъ. Сами Эвтидемъ и Діонисіодоръ, можно сказать, уже въ старости начали учиться этой мудрости, этому вождельному для меня искусству состязаться. За годъ, или за два, они не были му- С. дрецами. Одного только боюсь: не подать бы повода издѣваться надъ этими иностранцами, какъ надъ Конномъ Митровійскимъ, цитристомъ, который до нынѣ продолжаетъ учить меня на цитрѣ. Дѣти, сотоварищи мои въ его школѣ, смотря на насъ, и меня осмѣиваютъ, и Конна называютъ учителемъ стариковъ: какъ бы не подвергнуть и ихъ такому же поношенію. Да можетъ быть они и сами того же бояться, и не вдругъ соглашаются принять меня. Я уже подговорилъ, Критонъ, нѣкоторыхъ стариковъ ходить вмѣ- D. стѣ со мною на уроки Конна: другихъ подговорю посѣщать уроки Эвтидема и Діонисіодора. Да почему бы и тебѣ, Критонъ, не быть моимъ товарищемъ? ¹ А для приманки, поведемъ дѣтей твоихъ: принимая ихъ, они, знаю, будутъ учить и насъ.

Крит. Не мѣшаетъ, если тебѣ угодно, Сократъ. Но пре-

¹ Почему бы и тебѣ не быть моимъ товарищемъ, καὶ οὐ τί τις συμφορὰ, — выраженіе, очевидно поврежденное. По догадкѣ Аста, надобно бы читать: καὶ οὐ δὲ τις συμφορὰς; или лучше καὶ οὐ τί οὐ συμφορὰς; посѣжай пожалуйста и ты. См. примѣч. къ Протагору р. 310 А.

жде скажи о мудрости этихъ людей, что бы знать, чему мы будемъ учиться у нихъ.

Сокр. Подожди, услышишь. Будто я и не могу сказать, какъ бы не понялъ ихъ? нѣтъ, я очень понялъ, помню и по-е. стараюсь пересказать тебѣ все съ начала. По внушенію ка-кого-то бога, тамъ, гдѣ ты видѣлъ меня, то-есть въ раздѣ-вальницѣ ¹, сидѣлъ я одинъ и уже хотѣлъ встать; но вотъ
273. вдругъ—обычное мнѣ знаменіе, геній ², и я опять сѣлъ. Вско-рѣ послѣ того вошли Эвтидемъ и Діонисіодоръ со множе-ствомъ, какъ мнѣ показалось, учениковъ своихъ. Вошедши, они начали прохаживаться въ крытой галлерей, и еще не сдѣ-лали двухъ-трехъ поворотовъ, какъ вошелъ Клиніасъ, ко-торый дѣйствительно очень подроcъ, твое замѣчаніе справедливо, а за нимъ толпа пріятелей его и, между прочими, нѣ-кто Ктизиппъ Пеанійскій, прекрасный и добрый юноша по
в. природѣ, но задорный по молодости. Клиніасъ, замѣтивъ при самомъ входѣ, что я сижу одинъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сѣлъ по правую мою руку, какъ самъ ты сказалъ. Діо-нисіодоръ и Эвтидемъ, увидѣвъ его, сперва остановились и разговаривали другъ съ другомъ, время отъ времени погля-дывая на насъ, — а я внимательно наблюдалъ за ними; по-томъ подошли къ намъ, и одинъ изъ нихъ, Эвтидемъ, сѣлъ подлѣ мальчика, а другой подлѣ меня съ лѣвой руки, прочіе же — кому гдѣ случилось. Я поклонился имъ, такъ какъ и прежде по временамъ видался съ ними; потомъ, обратившись
с. къ Клиніасу, сказалъ: Клиніасъ! представляю тебѣ Эвтиде-ма и Діонисіодора, мудрецовъ въ вещахъ не маловажныхъ, а великихъ. Они знаютъ все, относящееся къ войнѣ, — все,

¹ Эта бесѣда, какъ видно изъ самаго діалога, происходила въ Ликей. По этому Сократъ сидѣлъ въ той комнатѣ, въ которой люди, приходившіе въ Ликей, снимали свои плащи.

² О значеніи Сократова генія мы будемъ имѣть случай говорить при разборѣ Федра и другихъ Платоновыхъ бесѣдъ; а здѣсь замѣчаемъ только, что Шлейермахеръ, Гейндорфъ и Кузенъ напрасно утверждаютъ, будто Со-кратъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ о своемъ геніи иронически. Кто потру-дится сравнить тонъ настоящей его рѣчи съ тономъ Сократова обращенія къ генію—напримѣръ въ Федрѣ; тотъ не найдетъ между ними никакого различія.

что нужно знать человѣку, желающему сдѣлаться искуснымъ полководцемъ, то-есть, какъ располагать и вестъ войско, какъ сражаться оружіемъ; они могутъ также научить, какъ помогать самому себѣ въ судахъ, въ случаѣ какой-нибудь обиды.—Когда я сказалъ это, Эвтидемъ и Діонисіодоръ обна-ружили свое неудовольствіе; потому что, посмотрѣвъ другъ D. на друга, улынулись. Потомъ первый изъ нихъ примолвилъ: не этимъ уже мы серьезно занимаемся, Сократъ; такое заня-тіе у насъ только между дѣломъ.—Тутъ я изумился и сказалъ: значить, ваше дѣло, должно быть, прекрасно, если подобное занятіе для васъ только бездѣлка. Скажите же, ради боговъ, въ чемъ состоитъ это прекрасное упражненіе?—Мы призна-емъ себя способными, Сократъ, отвѣчалъ онъ, превосходнѣе и скорѣе всѣхъ преподавать добродѣтель.—О Зевсъ! вскричалъ E. я, какое великое дѣло! Да гдѣ нашли вы это сокровище? ¹ А я, думалъ о васъ такъ, какъ сей часъ же говорилъ, что вы то-есть съ особеннымъ искусствомъ дѣйствуете оружіемъ, да такъ и рассказывалъ о васъ. Помнится даже, что и сами вы, въ первое время прибытія къ намъ, объявляли о себѣ тоже. Но если теперь по истинѣ обладаете и этою наукою; то умилосердитесь ²: отъ души привѣтствую васъ, какъ бо-говъ, и прошу у васъ прощенія въ прежнихъ словахъ своихъ. 274. Впрочемъ смотрите, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, правду ли вы сказали? Вѣдь не удивительно не вѣрить, когда обѣщаете такъ много.—Будь увѣренъ, Сократъ, что правду, отвѣчали они.—Поздравляю же васъ съ такимъ пріобрѣтеніемъ гора-здо болѣе, чѣмъ великаго царя съ владычествомъ. Однакожъ

¹ *Сокровище, τὸ ἔρμιον.* Извѣстно, что Эрмія почитался божествомъ пу-тей. Поэтому всякая находка на дорогѣ, принимаема была какъ даръ Эрмія. Теперь Сократъ нечаянно, какъ бы на дорогѣ нашелъ учителей добродѣтели, и потому ученіе ихъ называетъ τὸ ἔρμιον. Понимая τὸ ἔρμιον въ этомъ смыслѣ, легко замѣтить всю тонкость Сократовой ироніи.

² *Умилосердитееъ, ἰλεω εἰπτον.* Такъ какъ добродѣтель, по внутреннему убѣжденію Сократа, можетъ быть преподаваема только богами, то онъ обра-щается къ софистамъ, учителямъ добродѣтели, съ такимъ выраженіемъ, съ каковымъ Греки обращались только къ богамъ, когда умоляли ихъ о прощеніи грѣховъ.

скажите мнѣ: намѣрены ли вы объявить всѣмъ объ этой мудрости, или думаете какъ иначе?—Для того-то мы и приѣхали сюда, Сократъ, чтобы объявить о себѣ и учить, кто пожелаетъ учиться. — О, ручаюсь, что всѣ пожелаютъ, кто не знаетъ вашего искусства! Вотъ я первый, потомъ Клиніасъ, а тамъ Ктизиппъ и всѣ эти, сказалъ я, указывая на друзей Клиніаса. А они уже очутились вокругъ насъ: Ктизиппъ сперва сидѣлъ, кажется, далеко отъ Клиніаса; но когда Эвтидемъ, разговаривая со мною, наклонялся впередъ, потому что между нами былъ Клиніасъ, и заслонялъ его отъ Ктизиппа, онъ, желая смотрѣть на своего друга и вмѣстѣ слушать разговоръ, первый вскочилъ съ своего мѣста и сталъ противъ насъ. Потомъ его примѣру послѣдовали и другіе, обычные пріатели Клиніаса и друзья Эвтидема и Діонисіодора. На нихъ-то указалъ я Эвтидему и примолвилъ, что всѣ они готовы учиться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ктизиппъ, такъ и прочіе изъявили сильное желаніе и въ одинъ голосъ просили его показать опытъ своей мудрости.

Тогда я сказалъ: Эвтидемъ и Діонисіодоръ! какъ хотите, а надобно и ихъ удовлетворить, и для меня сдѣлать это. Показать себя во многомъ дѣло конечно не малое; но скажите мнѣ по крайней мѣрѣ: того ли только, кто убѣжденъ, что должно у васъ учиться, можете вы сдѣлать добрымъ человѣкомъ, или и того, кто еще не убѣжденъ, потому что вовсе не почитаетъ добродѣтели предметомъ науки, а васъ ея учителями? то-есть, къ вашему ли искусству, или къ иному какому-нибудь, относится также знаніе убѣдить человѣка, что добродѣтель изучима и что вы именно тѣ люди, у которыхъ можно научиться ей самымъ лучшимъ образомъ? — Точно къ нашему, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — По этому вы лучше, нежели кто-либо изъ современниковъ, можете расположить къ философіи и добродѣтели? ¹—Думаемъ-таки, Со-

¹ Надобно замѣтить, что Сократъ не допускалъ различія между философіею и добродѣтелію: любить мудрость, по его мнѣнію, значило любить добродѣтель; — теорія и практика у него должны были сливаться въ одну жизнь

кратъ. — Отложите же всё прочія разсужденія до другаго времени, сказалъ я; а теперь покажите себя только въ слѣдующемъ: доставьте мнѣ и всёму присутствующимъ удовольствіе; убѣдите этого мальчика, что должно философствовать и любить добродѣтель; это къ нему, по его возрасту, идетъ. Я и прочіе, здѣсь находящіеся, сильно желаемъ, чтобы онъ былъ самымъ лучшимъ человѣкомъ. Передъ вами сынъ Аксіоха, слѣдовательно внукъ Алкивіада старшаго, и племянникъ того, который нынѣ здравствуетъ; имя его Клиніасъ¹. Такъ какъ онъ молодъ, то мы опасаемся, чтобы кто нибудь, предупредивъ насъ, не развратилъ его и, пользуясь его молодостью, не наклонилъ мыслей его къ какимъ-нибудь другимъ предметамъ. По этому вы пришли весьма кстати. Если для васъ не составитъ это труда, испытайте нашего мальчика, побесѣдуйте съ нимъ въ нашемъ присутствіи. — Почти такъ говорилъ я. — На это Эвтидемъ рѣшительно и смѣло сказалъ: какой трудъ, Сократъ; лишь бы юноша согласился отвѣс. чать. — О, къ этому-то именно онъ и привыкъ, замѣтилъ я: друзья, то и дѣло, обращаются съ нимъ, часто спрашиваютъ его и заставляютъ разговаривать; слѣдовательно въ отвѣтахъ онъ будетъ вѣроятно смѣлъ.

Но какъ бы лучше рассказать тебѣ, Критонъ, что заѣтимъ послѣдовало? Дѣло не маловажное — умѣть, при повтореніи, удержать такую необыкновенную мудрость. Приступая къ разс. д. сказу, не призвать ли и мнѣ на помощь Музъ и Мнимосину, какъ призываютъ ихъ поэты? — Началъ Эвтидемъ и, помнится, слѣдующимъ вопросомъ: Клиніасъ! Какіе люди обыкновенно учатся: умные, или невѣжды? — Ребенокъ, такъ какъ задача

человѣка. Отсюда бытіе и явленіе бытія въ области нравовъ почиталъ онъ такими крайностями, которыя уничтожаютъ сами себя и годятся только для софистическаго тщеславія. См. Харм. введ.

¹ *Племянникъ того, который нынѣ здравствуетъ, ἀδελφεὸς τοῦ νῦν ὄντος Ἀλκιβιάδου.* Изъ этихъ словъ Пинзгеръ заключаетъ, что Платоновъ Эвтидемъ написанъ до изгнанія Алкивіада; но греческій текстъ показываетъ только то, что, когда Платонъ писалъ своего Эвтидема, Алкивіадъ былъ еще живъ.

была трудна ¹, покраснѣлъ и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня; а я, видя, что онъ смѣшался, сказалъ: не робѣй, Клиніасъ, отвѣчай смѣло: то или другое тебѣ кажется? можетъ быть чрезъ это получишь великую пользу.—Въ ту же минуту Діонисіодоръ наклонился ко мнѣ почти на ухо съ комическою улыбкою, и молвилъ: предсказываю тебѣ, Сократъ, что какъ ни отвѣтитъ дитя, во всякомъ случаѣ будетъ обличено въ ошибку ². — Между тѣмъ Клиніасъ уже отвѣчалъ; такъ что мнѣ болѣе не нужно было возбуждать его къ смѣлости: 276. онъ отвѣчалъ, что учатся умные. — А называешь ли ты кого-нибудь учителями, спросилъ Эвтидемъ, или не называешь? — Называю. — Но учителя не суть ли учителя тѣхъ, которые учатся, какъ напримѣръ, цитристъ и грамматистъ были твоими и другихъ дѣтей учителями, а вы ихъ учениками? — Согласился. — А учась чему-нибудь, вы конечно прежде не знали того, чему учились? — Не знали, сказалъ онъ. — В. И однакожь, не зная того, были умны? — Не такъ-то, отвѣчалъ онъ. — А если не умны, то невѣжды? — Правда. — И такъ, учась тому, чего не знали, вы учились невѣждами? — Мальчикъ согласился. — Значить, умные учатся невѣждами, а не умными, какъ ты думалъ, Клиніасъ. — Лишь только онъ сказалъ это, какъ всѣ послѣдователи Діонисіодора и Эвтидема дружно, будто хоръ, по знаку капельмейстера ³, зарукопле-

¹ Такъ какъ вопросъ былъ труденъ, ἅτε μεγάλη ὄντος.... Μεγάλη здѣсь тоже что χαλεπή, равно какъ латинское magna quæstio есть difficilis quæstio. См. Hipp. mai. p. 287. В. οὐ μέγα ἐστὶ τὸ ἐρώτημα, ἀλλὰ καὶ πολὺ τοῦτο χαλεπότερα ἂν ἀποκρίνασθαι ἐγὼ σε διδάξαιμι.

² Этотъ софизмъ основывается на двузначности всѣхъ трехъ словъ, заключающихся въ вопросѣ, т. е., σοφοί, ἀμαθεῖς и μανθάνειν. Подъ словомъ σοφοί сперва разумѣются люди, преданные мудрости и добродѣтели, а потомъ тѣ, у которыхъ есть способность учиться. Равнымъ образомъ ἀμαθεῖς сперва только незнающіе, а потомъ глупые, или невѣжды. Тоже и μανθάνειν — сперва означаетъ учиться, а потомъ знать. Впрочемъ на двузначность послѣдняго слова далѣе указываетъ и самъ Сократъ. См. Arist. de Sophist. elench. с. 4. § 3. p. 526. ed. Bipont. Сравни. Ethic. Nic. I. 10.

³ Замѣчательно, что между послѣдователями софистовъ рукоплесканія были въ большомъ употребленіи. Рукоплесканіями они сопровождали каждую остроумную выходку своихъ учителей. Доказательства встрѣчаются во мно-

скали и подняли смѣхъ. Потомъ, прежде чѣмъ ребенокъ успѣлъ порядочно вздохнуть, Діонисіодоръ обратился къ нему и сказалъ: а что, Клиніасъ? какъ скоро грамматистъ говорить что нибудь, которые дѣти разумѣютъ слова его: умные или невѣжды? — Умные, отвѣчалъ Клиніасъ. — Слѣдовательно учатся умные, а не невѣжды, и ты неправильно сей-часъ отвѣчалъ Эвтидему. — Послѣ этого-то почитатели софистовъ, сорадуясь ихъ мудрости, уже слишкомъ много смѣялись и шумѣли; а мы, какъ оглушенные, молчали. Замѣтивъ наше смущеніе, Эвтидемъ, чтобы еще болѣе удивить насъ, не давалъ ребенку отдыха, продолжалъ спрашивать, и какъ хорошей орхистъ, предлагалъ ему объ одномъ и томъ же предметѣ ¹ сугубые вопросы. — А что, Клиніасъ, сказалъ онъ: учащіяся тому ли учатся, что знаютъ, или тому, чего не знаютъ? — Въ ту же минуту Діонисіодоръ опять прошепталъ мнѣ: Сократъ! вѣдь и это такая же штука, какъ прежняя. — О Зевсъ! отвѣчалъ я, да и первый-то вопросъ дѣлаетъ вамъ много чести. — У насъ всѣ равно неизбѣжны, сказалъ онъ. — По этому вы, думаю, пользуетесь высокимъ мнѣніемъ у своихъ учениковъ? — Между тѣмъ Клиніасъ отвѣчалъ Эвтидему, что учащіяся учатся тому, чего не знаютъ. — А Эвтидемъ спросилъ его опять, какъ и прежде спрашивалъ: какъ же такъ? знаешь ли ты буквы? — Знаю, сказалъ онъ. — Всѣ знаешь? — Всѣ. — Но когда человекъ говоритъ что нибудь, развѣ не буквы онъ говоритъ? — Согласился. — А такъ какъ ты знаешь всѣ буквы, то онъ говоритъ то, что ты знаешь? — И въ этомъ согласился. — Чтожь теперь? сказалъ онъ; значить, не ты учишься, когда что-ни-

гихъ разговорахъ Платона. Говоря о такихъ знакахъ одобренія, Платонъ, кажется, имѣлъ мысль показать, что они недостойны философской школы и могутъ быть терпимы только въ театрахъ и обществахъ декламаторовъ.

¹ Сила сравненія Эвтидема съ орхистами состоитъ здѣсь безъ сомнѣнія въ слѣдующемъ: какъ хорошіе орхисты во время пляски повторяютъ тѣже самыя движенія и, для разнообразія, только слегка измѣняютъ ихъ; такъ и Эвтидемъ въ разговорѣ дѣлаетъ Клиніасу тѣже самыя вопросы и едва-едва разнообразитъ ихъ.

будь говорятъ, а тотъ, кто не знаетъ буквъ? — Такъ; однакожь я учусь, сказалъ онъ. — Но ты учишься тому, что знаешь, если только знаешь всѣ буквы. — Правда. — Слѣдовательно ты неправильно отвѣчалъ, сказалъ онъ. — Эвтидемъ еще не успѣлъ порядочно кончить своего заключенія, какъ Діонисіодоръ перехватилъ рѣчь его, будто мячъ, и опять напалъ на дитя. — Клиніасъ! сказалъ онъ, Эвтидемъ обманываетъ тебя. Скажи мнѣ: учиться не значитъ ли приобрѣтать познаніе о томъ, чему кто учится? — Клиніасъ согласился. — А познать, не то же ли, что имѣть уже познаніе? — Подтвердилъ. — Слѣдовательно, не знать, все равно, что не имѣть познанія? — Конечно. — Но кто получаетъ что-нибудь? тотъ ли, кто имѣетъ, или кто не имѣетъ? — Кто не имѣетъ. — А ты согласился, что незнающіе принадлежатъ къ числу людей неимѣющихъ? — Согласился. — По этому, учащіеся принадлежатъ къ числу людей получающихъ, а не тѣхъ, которые имѣютъ? — Такъ. — Слѣдовательно учатся, Клиніасъ, не тѣ, которые знаютъ, а тѣ, которые не знаютъ.

Послѣ этого Эвтидемъ стремился было, какъ борець, и въ третій разъ низпровергнуть мальчика ¹: но я, замѣтивъ, что ребенокъ совсѣмъ погибаетъ, и боясь, какъ бы онъ вовсе не оробѣлъ, рѣшился успокоить его утѣшеніемъ. Не удивляйся, Клиніасъ, сказалъ я, если такой разговоръ кажется тебѣ необычайнымъ. Можетъ быть ты не замѣчаешь, что дѣлаютъ съ тобою эти иностранцы. Они дѣлаютъ то самое, что бываетъ въ таинствахъ Коривантовъ, которые, приступая къ посвященію адепта, сажаютъ его на престолъ ². Если ты

¹ По мнѣнію Викторія (Varr. lectt. XXI. 2.), сила сравненія здѣсь состоитъ въ томъ, что въ Греціи борцы объявляемы были побѣдителями только по троекратномъ преодолѣніи противника. *Fabri agonist.* I. 24. et 27. in *Gronovii thesaur. gr.* T. VII. p. 888. sqq. et p. 2261. *Spanhem.* ad *Julian.* p. 261. sq.

² О таинствахъ Коривантовъ см. *Vales. obsv. critt.* II. p. 53. *Wesseling.* ad *Diodor. Sicul.* Tom. II. annot. p. 493. *Alberti* ad *Hesyeh.* in. h. v. *Lobeck.* *Aglaoph.* T. 1. p. 116. sqq., который между прочимъ пишетъ: *Eleusinia et corybantia dissimillima fuere. Eleusinia enim publica auctoritate celebrabantur loco augustissimo sanctissimoque, corybantia privatim in gurgustiis; illis*

бывалъ посвящаемъ; то знаешь, что этотъ обрядъ начинается плясками и шутками: точно такъ же теперь пляшутъ вокругъ е. тебя и шутятъ, подобно орхистамъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, чтобы потомъ ты могъ быть посвященъ. И такъ въ эти минуты представляй себѣ, что слышишь начало софистическихъ церемоній. Сперва, какъ говоритъ Продикъ, надобно уразумѣть истинное значеніе именъ: вотъ иностранцы и показали тебѣ, что ты не знаешь, какъ люди употребляютъ слово учиться (*μανθάνειν*). Они называютъ этимъ словомъ во-первыхъ то, когда человѣкъ, не имѣвшій прежде никакого познанія объ извѣстномъ предметѣ, наконецъ узнаетъ его; во-вторыхъ то, когда онъ, уже получивъ познаніе о немъ, съ помощію его разсматриваетъ тотъ же самый предметъ, какъ скоро его дѣлаютъ, или о немъ разсуждаютъ. Хотя конечно въ этомъ случаѣ чаще употребляется глаголь бесѣдовать (*ζημιέναι*), чѣмъ учиться; однакожь иногда говорятъ и учиться (*μανθάνειν*). Да, Клиніасъ, ты забылъ, какъ показали тебѣ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, что упомянутое названіе принимается у людей въ противорѣчущихъ значеніяхъ, то-есть, прилагается и къ знающему и къ незнающему. Почти тоже самое и во второмъ предложенномъ тебѣ вопросѣ: что познаютъ?—то ли, что знаютъ, или то, чего не знаютъ? Та-кие-то уроки я называю шутками, и говорю, что съ тобою в. дѣйствительно шутили. А шутки это по тому, что если бы кто-нибудь узналъ многія и даже всѣ подобныя вещи, все еще не зналъ бы, каково самое дѣло. Шутить можно съ людъ-

magistratus præsidebant et sacerdotes populi Atheniensis, his ambubaiæ et aercuscatorum infimi; illis summus constabat apud omnes honos, decus, sanctitas, hæc prudentissimo cuique odio erant et contemptui. «Тайинства Элевзинскія и тайинства Коривантовъ были далеко не похожи одни на другія. Элевзинскія совершались торжественно и въ священномъ мѣстѣ; а Коривантскія отправлялись частно и въ погребяхъ. При тѣхъ присутствовало правитель-ство и жрецы Аѣинскаго народа, а при этихъ—флейщицы и низкіе выманиватели денегъ. На первыхъ господствовали почтительность, приличіе, святость; а послѣднія были предметомъ ненависти и презрѣнія для каждаго благоразумнаго человѣка». Обряды посвященія въ тайинства Коривантовъ начинались пляскою вокругъ иниціата; послѣ того сажали его на престоль. *Procl. Theol. Plat. VI. 13. Plat. Iegg. VII. p. 780. D.*

ми, подставляя имъ различныя значенія словъ, какъ ногу, чтобы они споткнулись и упали, или, отдвигая сзади скамейку, когда кто хочетъ сѣсть, чтобы позабавиться и посмѣяться, какъ онъ опрокинется на спину. Думай же, что эти мудрецы подобнымъ образомъ шутятъ теперь и съ тобою, но потомъ они уже серьезно раскроютъ тебѣ дѣло ¹; а я между тѣмъ попрошу ихъ исполнить обѣщаніе: вѣдь они обѣщались показать расположительную свою мудрость, но видно признали D. нужнымъ начать шуткою. И такъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, до этой поры вы шутили и можетъ быть уже довольно насутились. Теперь, постарайтесь убѣдить мальчика, что должно любить мудрость и добродѣтель. Впрочемъ, я сперва выскажу вамъ, какъ это понимаю, — чего хочу отъ васъ, и если покажусь невѣждою въ этомъ отношеніи, и человѣкомъ смѣшнымъ, вы не смѣйтесь надо мною; потому что одна жажда вашей мудрости возбуждаетъ во мнѣ смѣлость лепетать E. предъ вами. И такъ, слушая меня, удержитесь отъ смѣха вы и ученики ваши; а ты, сынъ Аксіоха, отвѣчай.

Точно ли всѣ люди желаютъ себѣ счастья? — Но можетъ быть это одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ вопросовъ, которыхъ теперь я такъ боюсь? Можетъ быть глупо и спрашивать объ этомъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто не желаетъ себѣ счастья? — Козя 279. нечно нѣтъ такихъ, отвѣчалъ Клиніасъ. — Положимъ, сказалъ я; но далѣе-то: желая себѣ счастья, какъ сдѣлаться счастливымъ? не такъ ли, чтобъ получить много добра? Или можетъ быть этотъ вопросъ еще глупѣе прежняго? вѣдь дѣло и само по себѣ ясно. — Безъ сомнѣнія. — Пусть такъ; но между всѣми вещами, что называется добромъ? Или можетъ быть и это найти столь же легко, и не требуетъ усилій порядочнаго человѣка? Можетъ быть всякій скажетъ, что добро есть богатство. Не правда ли? — Правда, отвѣчалъ Клиніасъ. — Что оно состоитъ также въ здоровьѣ, красотѣ и про-

¹ Ταύτῳ γὰρ σοὶ αὐτῷ τὰ σπουδαῖα ἐνδείκνυται. Аὐτῷ здѣсь очевидно не кстати. Гейндорфъ читаетъ αὐτό: но это несообразно съ характеромъ греческой фразы: вѣрнѣе Шлейермахеръ: οὐ τὰ σπουδ....

чихъ тѣлесныхъ совершенствахъ. — Согласился. — Но вѣдь и В. благородство, и сила, и почести въ отечествѣ, не менѣе до- бро. — Конечно. — А нѣтъ ли и еще чего-нибудь добраго? напри- мѣръ: быть разсудительнымъ, справедливымъ, мужествен- нымъ? Скажи, ради Зевса, Клиніасъ: тогда ли мы были бы пра- вы, когда бы почитали это добромъ, или тогда, когда не почита- ли бы? Можетъ быть иные недоумѣваютъ касательно этого предмета; а ты какъ думаешь? — Я почитаю это добромъ, от- вѣчалъ Клиніасъ. — Хорошо; но къ какому классу отнести мудрость? къ добру, или къ чему другому? — Къ добру. — По- думай-ка, не забыли ли мы и еще о какомъ-нибудь добрѣ, С. стоящемъ вниманія? — Кажется не забыли, отвѣчалъ Кли- ніасъ. — Тогда я, какъ будто припоминая что-то, сказалъ: охъ нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мы пропустили величайшее изъ всѣхъ благъ. — Какое же это? спросилъ онъ. — Благополучіе ¹, Клиніасъ, которое всѣ, даже и самые плохіе люди, называ- ютъ величайшимъ добромъ. — Ты правъ. — Потомъ опять оду- мавшись, я сказалъ: а вѣдь мы, я и ты, сынъ Аксіоха, не- много смѣшны въ глазахъ этихъ иностранцевъ. — По-чему D. же? спросилъ онъ. — По тому, что, упомянувъ о благополучіи прежде, теперь снова говоримъ о немъ. — Какъ же такъ? — Да такъ, смѣшно полагать въ другой разъ то, что было уже

¹ Разговоръ свой съ Клиніасомъ Сократъ началъ вопросомъ о счастіи — *εὖ πράττειν* и, перечисливъ разные виды благъ, прибавляетъ къ нимъ након- ецъ еще благополучіе — *εὐτυχία*. Явно стало быть, что *εὐτυχία* Платонъ от- личалъ отъ *εὐπραγία*; но въ чемъ видѣлъ онъ отличительную ихъ черту? Изъ того, что далѣе *εὐτυχία* поставляется у него въ непосредственную связь съ мудростію — *σοφία*, и въ зависимость отъ нея, можно подозрѣвать, что *εὐτυ- χία* — благополучіе, Греки понимали какъ удачу, или дѣло случая, и видѣли его въ какомъ нибудь *удачно совершившемся событіи*: напротивъ счастіе — *εὐπραγία* у Грековъ было обладаніе *вещественными, или вѣшными, предмет- но-понимаемыми благами*. Слѣдовательно Сократъ припоминая здѣсь бла- гополучіе — *εὐτυχία* съ тою только цѣлію, чтобы поправить народное мнѣ- ніе объ удачѣ, вывести ее изъ подъ вліянія случая, подчинить мудрости, и такимъ образомъ сдѣлать переходъ къ разсмотрѣнію высшаго блага. Впро- чемъ, на это самое различіе между счастіемъ и благополучіемъ указывается и ниже р. 281 В. «знаніе (тоже что мудрость), при всякомъ *приобрѣтеніи* и *дѣйстви* доставляетъ людямъ не только благополучіе, но и счастіе».

положено ¹, и говорить объ одномъ и томъже дважды. — Что ты разумѣешь тутъ? — Послушай, сказалъ я: мудрость есть благополучіе; это извѣстно и ребенку. — Клиніасъ удивился, по тому что еще слишкомъ молодъ и несмышленъ; а я, за-
 Е. мѣтивъ его удивленіе, спросилъ: развѣ ты не знаешь, что флейщики, въ отношеніи къ игрѣ на флейтѣ, люди самые благополучные? — Знаю. — Тоже должно сказать и о грамматистахъ въ отношеніи къ искусству читать и писать? — Безъ сомнѣнія. — Чтожъ теперь? говоря вообще, считаешь ли ты кого-нибудь благополучнѣе кормчаго во время морской бури? — Нѣтъ. — А во время войны, съ кѣмъ бы ты охотнѣе согласился раздѣлять судьбу: съ мудрымъ полководцемъ, или
 280. съ немудрымъ? — Съ мудрымъ. — Во время болѣзни, кому бы охотнѣе ввѣрился: мудрому врачу, или глупому? — Мудрому. — Стало быть, гораздо благополучнѣе имѣть дѣло съ мудрымъ, чѣмъ съ невѣждою? — Конечно. — Слѣдовательно мудрость вездѣ дѣлаетъ людей благополучными; съ нею никто не ошибается, но всѣ поступаютъ правильно и удачно: иначе она не была бы и му-
 В. дростію. Такимъ образомъ въ главномъ мы наконецъ, какъ-то тамъ согласились, то-есть, заключили, что кто обладаетъ мудростію, тотъ не имѣетъ нужды въ благополучіи. А когда согласились въ этомъ, я спросилъ Клиніаса и о другихъ, прежде допущенныхъ положеніяхъ. Мы допустили, сказалъ я, что человѣкъ благоденствуетъ и бываетъ счастливъ, какъ скоро у него много добра. — Допустили. — Но благоденствовать

¹ *Полагать въ другой разъ, πάλιν προτιθέναι.* Не много выше этотъ глаголъ стоитъ въ дѣйствительномъ залогѣ, *ἰάν τοῦτα τιθόμεν ὡς ἀγαθά, κοῦδα бы почитали это добромъ,* и по видимому имѣетъ смыслъ средняго. Штальбомъ весьма остроумно различаетъ значенія его залоговъ. *Τίθεναι*, говорить онъ, значитъ полагать что нибудь, не предусматривая слѣдствій, которыя должны выйти изъ положенія: напротивъ *τίθεσθαι* есть—полагать нѣчто, какъ истину, имѣющую привести насъ къ такимъ, а не другимъ заключеніямъ. См. de Rep. X. p. 596. A. VII. p. 532. D. Theaet. p. 191. C. etc. Сравн. *Stalbaumii* opp. Plat. T. VI. sect. I. not. ad Euthyd. 279. D. Отсюда легко понять слова Сократа: смѣшно полагать въ другой разъ (*τιθέναι*) то, что было уже положено (*ἰάν προτιθέναι*); то есть, смѣшно снова говорить о благополучіи, если прежде мы положили мудрость, какъ благополучіе.

при настоящихъ благахъ тогда ли можемъ мы, когда онѣ полезны намъ, или, когда не полезны? — Когда полезны, отвѣчалъ онъ. — Полезны ли онѣ, когда мы только имѣемъ ихъ, а не употребляемъ? На примѣръ, полезно ли имѣть много пищи и не ѣсть, много питья и не пить? — Вовсе нѣтъ, сказалъ онъ. — Вообрази же теперь, что художники приобрѣли все нужное для каждаго изъ нихъ, и однакожь не употребляютъ приобретеннаго: счастливы ли они отъ того, что у нихъ есть все нужное для художника? Представь напримѣръ, что плотникъ приобрѣлъ всѣ инструменты и нужныя деревья, а ничего не строить: полезно ли ему это приобретение? — Ни мало. — Чтожь теперь? кто приобрѣлъ богатство и всѣ другія блага, о которыхъ мы недавно упоминали, а не употребляетъ ихъ; тотъ благоденствуетъ ли отъ приобретения этихъ благъ? — Нѣтъ, Сократъ. — Следовательно, кто хочетъ быть счастливымъ; тому надобно не только приобрести эти блага, но и употреблять ихъ, если одно приобретение не приноситъ никакой пользы. — Правда. — И такъ, для счастья человѣка, Клиніасъ, необходимо какъ приобретение благъ, такъ **Е.** и употребленіе ихъ. — Кажется. — Но употребленіе правильное, спросилъ я, или и неправильное? — Правильное. — Ты хорошо-таки отвѣчаешь; потому что употреблять ихъ неправильно, думаю, гораздо вреднѣе ¹, чѣмъ вовсе не употреблять: первое худо, а послѣднее ни худо, ни хорошо. Не такъ **281.** ли скажемъ? — Подтвердилъ. — Чтоже? при обработкѣ деревьевъ, можетъ ли что другое содѣйствовать правильному употребленію ихъ, кромѣ знанія, свойственнаго плотнику? — Ничто, сказалъ онъ. — Не знаніе ли также содѣйствуетъ правильной выдѣлкѣ сосудовъ? — Подтвердилъ. — А для того, сказалъ я, чтобы правильно употребляемы были всѣ прежде упомянутыя нами блага, то есть, богатство, здоровье и красота, знаніе ли должно идти впередъ и сообщать направленіе дѣя-

¹ *Гораздо вреднѣе*, то-есть гораздо хуже—*πλέον γάρ πε θάτερον ἔστιν*. Греческій идиотизмъ, какой и ниже р. 297 D. *θάτερον* часто употребляется вмѣсто *τὸ καλόν*.

- В. тельности, или что другое? — Знаніе, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно знаніе, какъ видно, при всякомъ пріобрѣтеніи и дѣйстви, доставляетъ людямъ не только благополучіе, но и счастье? — Согласился. — И такъ скажи, ради Зевса, спросилъ я: есть ли какая нибудь польза отъ всѣхъ пріобрѣтеній, безъ разсудительности и мудрости? Полезно ли человѣку многое пріобрѣтать и многое дѣлать, когда въ немъ нѣтъ ума, или полезнѣе небольшое съ умомъ? Смотри такъ: не тотъ ли мещинъ грѣшитъ, кто менѣе дѣлаетъ? не тотъ ли менѣе несчастенъ, кто менѣе грѣшитъ? не тотъ ли менѣе бѣдствуетъ, кто менѣе несчастенъ? — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Но кто преимущественно менѣе можетъ дѣлать: бѣдный или богатый? — Бѣдный, отвѣчалъ онъ. — Слабый или сильный? — Слабый. — Въ честяхъ, или безъ честей? — Безъ честей. — Мужественный и разсудительный, или робкій? — Робкій. — Слѣдовательно, менѣе¹ также — лѣнивый, чѣмъ дѣятельный? — Допустилъ. — Менѣе медленный, чѣмъ быстрый? и менѣе
- D. тотъ, кто имѣетъ тупое зрѣніе и слухъ, чѣмъ тотъ, у кого чувства остры? — Во всемъ этомъ мы согласились. — Значитъ, всѣ вообще блага, о которыхъ мы говорили, Клиніасъ, продолжалъ я, надобно понимать не такъ, что онѣ блага сами по себѣ, но, какъ видно, слѣдующимъ образомъ: если управляетъ ими невѣжество; то онѣ бываютъ большимъ зломъ, чѣмъ противоположное имъ, потому что могутъ успѣшнѣе служить злему началу, которое управляетъ ими. Если же, напротивъ, онѣ находятся подъ властію разсудительности и мудрости; то становятся тѣмъ большимъ добромъ: а сами по
- E. себѣ не стоютъ ни того ни другаго названія. — Кажется въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь. — Что же теперь остается заключить изъ нашихъ словъ? Не то ли, что нѣтъ ничего ни добраго ни злаго, что одна мудрость — добро, и одно невѣжество — зло? — Согласился. — Разсмотримъ же остальное,
282. сказалъ я. Всѣ мы сильно желаемъ быть счастливыми; а сча-

¹ По гречески μάλλον, разумѣется μάλλον ἐλάττω, какъ выше, и какъ въ слѣдующихъ далѣе выраженіяхъ.

стіе для насъ возможно, какъ видно, подъ условіемъ не только употребленія, но еще вѣрнаго употребленія вещей; вѣрное же употребленіе ихъ и благополучіе доставляются знаніемъ; слѣдовательно каждый человѣкъ необходимо долженъ всѣми силами готовить себя къ тому, чтобы быть мудрѣйшимъ. Не такъ ли?—Такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, кто думаетъ, что гораздо выгоднѣе, чѣмъ деньги, получать мудрость—и отъ отца, и отъ наставниковъ, и отъ друзей вообще, В. и отъ тѣхъ, которые свидѣтельствуютъ намъ любовь свою, и отъ иностранцевъ, и отъ гражданъ; кто проситъ, умоляетъ надѣлать себя мудростію: для того не стыдно и не безчестно, Клиніасъ, ради такого приобрѣтенія, повиноваться и служить—какъ любящему его человѣку, такъ и другимъ, и быть готовымъ ко всякой прекрасной услугѣ, лишь бы кто усердно желалъ сдѣлать его мудрымъ. Или, можетъ быть, тебѣ не такъ кажется, спросилъ я?—Нѣтъ, мнѣ кажется, что ты говоришь хорошо, отвѣчалъ онъ.—Да, Клиніасъ, продолжалъ я,—если только можно учить мудрости, если она не сама собою С. достается людямъ; ибо это еще требуетъ изслѣдованія, и наши мнѣнія въ этомъ отношеніи пока неизвѣстны.—Но мнѣ думается, Сократъ, что мудрости учить можно, примолвилъ онъ.—Прекрасно сказано, лучшій изъ мужей¹, отвѣчалъ я обрадовавшись; ты хорошо дѣлаешь, что избавляешь меня отъ долгихъ изслѣдованій вопроса: можно ли учить мудрости, или нельзя? Если же она, по твоему мнѣнію, изучима, и одна въ состояніи доставить человѣку счастье и благополучіе; то не почтешь ли ты нужнымъ пофилософствовать о ней? и не D. устремиться ли своею мыслию къ приобрѣтенію ея?—Конечно, Сократъ, отвѣчалъ онъ, и сколько возможно болѣе.

Выслушавъ это съ радостію, я сказалъ: вотъ образецъ расположительной бесѣды, какой мнѣ хочется, Діонисіодоръ

¹ Лучшій изъ мужей, ὁ ἀρίστε ἀνδρῶν. Сократъ называетъ Клиніаса мужемъ, разумѣется, иронически, и причина ироніи здѣсь та, что Клиніасъ произноситъ свое мнѣніе о такомъ положеніи, о которомъ судить не легко было и мудрецамъ, посѣдѣвшимъ въ изслѣдованіи истины.

и Эвтидемъ. Онъ конечно не искусственъ и съ трудомъ развить: но пусть ктонибудь изъ васъ постарается изложить его по правиламъ искусства. А когда вамъ не угодно, раскройте этому ребенку по крайней мѣрѣ то, что я оставилъ **Б.** безъ изслѣдованія, то есть, долженъ ли онъ стараться приобрести всякое знаніе, или какоенибудь одно, которое сдѣлало бы его человѣкомъ счастливымъ и добрымъ, и въ чемъ состоитъ оно; вѣдь я съ самаго начала говорилъ вамъ, что для насъ весьма важно видѣть этого юношу мудрымъ и добрымъ. **283.** Сказавъ это, Критонъ, я сильно напрягъ свое вниманіе и изготовился понять, какимъ образомъ они приступятъ къ слову и съ чего начнутъ свои наставленія, долженствовавшія расположить юношу къ мудрости и добродѣтели. Вотъ старшій изъ нихъ, Діонисіодоръ, первый открылъ бесѣду; а мы смотрѣли на него съ надеждою тотчасъ услышать какуюнибудь дивную рѣчь. Такъ и вышло: этотъ человѣкъ началъ **В.** въ самомъ дѣлѣ удивительное слово, и тебѣ, Критонъ, стоитъ выслушать его, чтобы судить, какъ оно возбуждаетъ къ добродѣтели.

Діонисіодоръ сказалъ: отвѣчайте мнѣ, Сократъ и всѣ другіе, желающіе, чтобы этотъ юноша сдѣлался мудрымъ: шутя вы говорите это, или желанія ваши истинны, серьезны? — Тутъ мнѣ пришло на мысль, что прежнія наши слова, которыми мы просили ихъ разговаривать съ юношею, вѣроятно, приняли они за шутку, а потому и сами шутили, нисколько **С.** не заботясь о рѣчи серьезной. Подумавъ это, я отвѣчалъ еще рѣшительнѣе прежняго, что мы нисколько не шутимъ. — Смотри, Сократъ, продолжалъ Діонисіодоръ, чтобъ послѣ не отказываться отъ теперешнихъ своихъ словъ. — Смотрѣлъ уже, сказалъ я, и вѣрно не откажусь. — Что же? вы сказали, что хотите видѣть Клиніаса мудрымъ, спросилъ онъ? — И очень. — А теперь онъ мудръ, или нѣтъ? спросилъ Діонисіодоръ. — Говорить, что еще нѣтъ: видишь, онъ нехвастливъ. — Значить, вамъ угодно, чтобъ онъ сдѣлался мудрымъ, а невѣждою не былъ? — Мы согласились. — Слѣдовательно, вы желаете

те, чтобъ онъ сдѣлался тѣмъ, что теперь не есть ¹, и не былъ тѣмъ, что теперь есть? — Услышавъ это, я смѣшался; а Діонисіодоръ, замѣтивъ мое смущеніе, продолжалъ: — но желая, чтобъ онъ не былъ тѣмъ, что теперь есть, вы, кажется, хотите, чтобъ онъ погибъ. О, тѣ друзья и пріатели весьма драгоценны, которые больше всего желаютъ погибели любимому своему юношѣ. — Услышавъ это, Ктизиппъ разсердился **Е.** за своего друга и вскричалъ: турійскій иностранецъ! Если бы не было невѣжливо, я сказалъ бы тебѣ: возьми на свою голову ² то дѣло, которое ты вздумалъ нагнать на меня и на другихъ. Объ этомъ и говорить преступно: ну, могу ли я желать Клиніасу погибели? — Какъ, Ктизиппъ? возразилъ Эвтидемъ: развѣ, по твоему мнѣнію, можно лгать? ³ — Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, если только я не сошелъ съ ума. — Но кому же можно: тому ли, кто говоритъ о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, или тому, кто не говоритъ? — Тому, кто говоритъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь говорящій о дѣлѣ **284.** конечно говорить не о другомъ какомъ-нибудь сущемъ, а о томъ, что онъ говоритъ. — Да какъ же иначе? сказалъ Ктизиппъ. — И дѣло, о которомъ говорится, вѣроятно, есть сущее особое, отличное отъ другаго? — Безъ сомнѣнія. — Стало быть, говорящій о немъ, говоритъ о сущемъ? — Да. — Но говорящій о сущемъ, говоритъ сущую истину. Слѣдовательно,

¹ *Что теперь не есть, δε μὲν οὐκ ἔστι.* Софизмъ основывается очевидно на словѣ *δε*, которое употреблено софистомъ вмѣсто *οὐκ*. Вопросъ былъ о качествѣ Клиніаса, а не о бытіи его.

² *Возьми на свою голову, σοι εἰς κεφαλὴν,* то есть, погибни ты самъ. См. *Küster. ad Aristoph. Plut. v. 525. 659. et Schol. ad Pac. v. 1063.*

³ *Развѣ, по твоему мнѣнію, можно лгать? ἢ δοκεῖ σοι οἴοντ' εἶναι ψεῦδες εἶναι,* — известное въ древности умозаключеніе софистовъ, которымъ доказывалось, что нельзя говорить о томъ, чего нѣтъ, слѣдовательно и нельзя лгать. Ниже Платонъ приписываетъ этотъ софизмъ Протагору и предшествовавшимъ ему мудрецамъ, а въ своемъ Софистѣ (р. 237) — Пармениду. Основаніе и въ этомъ софизмѣ — то же, какое въ прежнемъ, то-есть, смѣшеніе бытія вещи съ ея качествами. Качество въ вещи много; слѣдовательно можно приписывать ей одни вмѣсто другихъ, не уничтожая ея бытія, то-есть, можно лгать: напротивъ, бытіе логически — только одно, замѣнить его нечѣмъ; слѣдовательно въ этомъ отношеніи ложь невозможна.

- и Діонисіодоръ, поколику онъ говоритъ о сущемъ, говоритъ В. истину и нисколько не лжетъ на тебя? — Такъ, сказалъ Ктизиппъ; но кто говоритъ объ этомъ, Эвтидемъ, тотъ говоритъ не о сущемъ. — Да не сущее развѣ не то, чего нѣтъ? спросилъ Эвтидемъ. — Конечно то, чего нѣтъ. — И не въ томъ ли состоитъ не сущее, что оно нигдѣ не существуетъ? — Въ томъ, что нигдѣ. — А можно ли совершать что нибудь съ тѣмъ, что не существуетъ? на примѣръ, могъ ли бы кто нибудь сдѣлать Клиніасу то, чего нигдѣ нѣтъ? — Не думаю, отвѣчалъ Ктизиппъ. — Что же? ораторы, говоря къ народу, ничего не совершаютъ? — Совершаютъ, отвѣчалъ онъ. — А С. если совершаютъ, то и дѣлаютъ? — Конечно. — По этому говорить, значитъ совершать и дѣлать? — Согласился. — Стало быть никто не говоритъ о томъ, чего нѣтъ; ибо иначе можно было бы и дѣлать то, чего нѣтъ. А ты уступилъ, что не сущаго дѣлать нельзя; значитъ, по твоимъ же словамъ, и лгать нельзя. И такъ все, что говоритъ Діонисіодоръ, есть истинное и сущее. — Но ради Зевса, Эвтидемъ, сказалъ Ктизиппъ: положимъ, онъ говоритъ о сущемъ; да говоритъ-то не такъ, какъ оно есть. — Что ты, Ктизиппъ? возразилъ Діонисіодоръ: развѣ можно найти кого нибудь, кто говорилъ бы о вещахъ, D. какъ онѣ есть? — Конечно; таковы всѣ честные, добрые и правдивые люди. — Какъ? спросилъ онъ, вѣдь хорошее хорошо, а худое худо? — Уступилъ. — И ты соглашаешься, что честные и добрые люди говорятъ о вещахъ, какъ онѣ есть? — Соглашаюсь. — Но если добрые люди, Ктизиппъ, говорятъ о вещахъ, какъ онѣ есть: то о худомъ говорятъ они безъ сомнѣнія худо? ¹ — Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, то есть о худыхъ людяхъ, къ которымъ ты, если хочешь меня послушать, берегись присоединяться, чтобы добрые, говорящіе,

¹ Здѣсь «худо» соизсть относить не къ предикату, не къ худымъ людямъ, какъ бы слѣдовало, а къ субъекту, то-есть къ тѣмъ, которые говорятъ. По этому Ктизиппъ далѣе поправляетъ его. Основаніе соизма здѣсь въ двойномъ значеніи выраженія: «худо говорить, κακῶς λέγειν». Въ одномъ смыслѣ оно значитъ grave dicere, въ другомъ — male dicere, то-есть, худо говорить значить, или дурно выражаться, или дурно отзываться.

какъ тебѣ извѣстно, о худыхъ худо, не заговорили и на твой е. счетъ такъ же. — По этому о великихъ людяхъ, продолжалъ Эвтидемъ, говорятъ они величественно, а о горячихъ горячо? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ктизиппъ, равно какъ о холодныхъ говорятъ и велятъ говорить холодно ¹. — А! ты бранишься, Ктизиппъ, сказалъ Діонисіодоръ, ты уже бранишься! — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ: я люблю тебя, Діонисіодоръ; но прошу, какъ друга, и убѣждаю никогда не говорить при мнѣ подобныхъ грубостей, будто я хочу погуби 285. бели тѣхъ людей, которые для меня весьма дороги.

Замѣчая, что они болѣе и болѣе раздражаются другъ противъ друга, я обратился къ Ктизиппу и шутливымъ тономъ сказалъ: Ктизиппъ! кажется, мы должны принять отъ иностранцевъ все, что они говорятъ, лишь бы только имъ угодно было сообщить намъ свое знаніе. Не будемъ спорить о словахъ. Если они умѣютъ губить людей такъ, что изъ худыхъ и неразумныхъ дѣлаютъ ихъ хорошими и благоразумными — какая нужда, сами ли они изобрѣли, или у кого другаго изучили это разрушительное и губительное искусство, посредствомъ котораго человѣкъ умираетъ худымъ, а возраждается хорошимъ, — если они обладаютъ такимъ искусствомъ (а безъ сомнѣнія обладаютъ, ибо сами объявили, что недавно открыто ими средство дѣлать людей добрыми изъ худыхъ); то согласимся съ ними. Пусть погубятъ они намъ это дитя и чрезъ то сдѣлаютъ его благоразумнымъ; пусть погубятъ и всѣхъ насъ. Но можетъ быть вы, люди молодые, пугаетесь? Въ такомъ случаѣ пусть они сдѣлаютъ свой опытъ надо С. мною, будто надъ Карійцемъ ²: я уже старъ, готовъ отважить-

¹ *Холодные говорятъ холодно*, — насмѣшка Ктизиппа надъ тупыми островами и недалновидною діалектикою соеистовъ. Потому-то соеистъ и находить это выраженіе оскорбительнымъ для себя и похожимъ на брань.

² Карійцы въ древности славились неустрашимостію въ сраженіяхъ, но при всемъ томъ были презираемы; потому что продавали свою жизнь всякому, кто, для какой бы то ни было цѣли, желалъ купить ее. Греки нанимали ихъ въ свои войска и всегда помѣщали въ передовыхъ линіяхъ отрядовъ для удержанія перваго натиска непріятелей. Отсюда произошла пословица: сдѣлать пробу на Карійцѣ, ἐν τῷ Κάρει κινδυνύσειν. *Hoffmanni Lexicon, v. Caria.*

ся и ввѣриться Діонисіодору, будто колхидской Медеѣ¹. Пусть они погубятъ меня, даже, если угодно, сварятъ и дѣлають все, что хотять, лишь бы мнѣ переродиться въ человѣка добраго. — На мои слова Ктизиппъ отвѣчалъ: и я также, Со-кратъ, готовъ отдаться въ волю иностранцевъ: пусть они, если угодно, деруть съ меня кожу больнѣе, чѣмъ теперь, D. лишь бы только изъ ней вышелъ не мѣхъ, какъ изъ Марсіасовой², а добродѣтель. Діонисіодоръ, кажется, думаетъ, что я сержусь на него: нѣтъ, я не сержусь, а только противорѣчу тому, что, по моему мнѣнію, не хорошо сказалъ онъ на меня. Противорѣчія, благороднѣйшій Діонисіодоръ, ты не называй бранью; брань есть нѣчто другое.

А развѣ словами, Ктизиппъ, возразилъ Діонисіодоръ, въ самомъ дѣлѣ можно противорѣчить? — Конечно, отвѣчалъ онъ; и очень можно: а тебѣ кажется, что противорѣчій не E. бываетъ? — Но ты, думаю, не докажешь, что когда нибудь слыхалъ, какъ одинъ противорѣчитъ другому. — Правда, отвѣчалъ онъ: однако ты слышишь теперь же, какъ я доказываю, что Ктизиппъ противорѣчитъ Діонисіодору. — И ты представишь мнѣ основаніе противорѣчія? — Конечно. — Какое же? продолжалъ онъ: вѣдь можно говорить о всякой вещи? — Можно. — Какъ она есть, или какъ не есть? — Какъ 286. есть. — А помнишь, Ктизиппъ, мы недавно доказали, что никто не говоритъ о не существѣ: о *нѣтъ* и рѣчи нѣтъ. — Такъ чтожь? сказалъ Ктизиппъ: развѣ чрезъ это мы менѣе противорѣчимъ другъ другу? — Но противорѣчимъ ли мы другъ другу, спросилъ онъ, когда оба отчетливо говоримъ либо объ одномъ и томъ же, либо одно и тоже? — Согласился, что нѣтъ.

¹ Платонъ очевидно указываетъ здѣсь на то баснословное сказаніе, что Медея уговорила Пелеевыхъ дочерей сварить своего отца, чтобы онъ сдѣлался опять молодымъ. См. *Palephat. incred. hist.* 44. *Fischer interpr. ad. Ovid. metam.* VII. v. 283.

² Марсіасъ, великій музыкантъ, по мифологическому сказанію, вздумалъ состязаться съ Аполлономъ. Но Аполлонъ побѣдилъ его и, въ наказаніе за дерзость, содралъ съ него кожу. Изъ этой кожи, повѣшенной имъ на деревѣ, вышелъ мѣхъ и, во времена Иродота, какъ онъ самъ говоритъ, находился въ Фригійскомъ городѣ Цемнахъ. *Herod.* VII. 26.

—А когда ни который изъ насъ не можетъ отчетливо говорить о дѣлѣ, — станемъ ли мы въ отношеніи къ нему взаимно себѣ противорѣчить, или, можетъ быть, ни тотъ ни другой и не вспомнить о немъ? — Ктизиппъ и съ этимъ согласился. В.

— Наконецъ, когда бы я дѣльно говорилъ объ одной вещи, а ты о другой; было ли бы между нами противорѣчіе? Или, когда я говорилъ бы о какой нибудь вещи, а ты вовсе не говорилъ бы о ней: не говорящій противорѣчить ли говорящему? — Ктизиппъ замолчалъ; а я, удивившись рѣчи Діонисіодора, спросилъ его: какъ это, Діонисіодоръ? Я уже отъ мно- С.

гихъ и часто слыхалъ твое умозаключеніе, но не перестаю удивляться. Оно было въ большомъ ходу у учениковъ Протагора¹ и еще прежде ихъ², но мнѣ всегда представлялось страннымъ, потому что какъ будто опровергало — и другія положенія, и само себя. Надѣюсь, что ты, любезнѣйшій, лучше раскроешь мнѣ истину. Точно ли невозможно говорить ложь? Вѣдь въ этомъ, кажется, сила рѣчи? не такъ ли? то-есть, говорящій или говоритъ правду, или вовсе не говоритъ? — Согласился. — Но можетъ быть нельзя только говорить ложь, D.

а думать можно? — И думать нельзя, сказалъ онъ. — Значить, вовсе не бываетъ ложнаго мнѣнія? — Не бываетъ. — Стало быть нѣтъ ни невѣжества, ни невѣждъ? потому что невѣжество, если бы оно было, то состояло бы во лжи относительно вещей. — Конечно, сказалъ онъ. — Но этого нѣтъ, спросилъ я? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь, Діонисіодоръ, ты говоришь для того ли только, чтобы говорить и сказать нѣчто необыкновенное, или въ самомъ дѣлѣ думаешь, что между людьми нѣтъ ни одного невѣжды? — Твое дѣло опровергнуть E.

¹ Протагоръ до такой степени вѣрилъ чувствамъ, что почиталъ истиннымъ все, представлявшееся имъ. А такъ какъ чувства одного человѣка нерѣдко постигаютъ вещи иначе, нежели чувства другаго; то, софистъ не видѣлъ никакого основанія для опроверженій или разногласій, и говорилъ, что у всякаго истина своя. Theæt. p. 161. E. sqq. Tennet. Geschichte der Philos. T. I. p. 507. ed. 2.

² Объ этихъ прежнихъ мудрецахъ Платонъ говоритъ въ Kratyl. p. 429. D. Sophist. p. 260. C.

меня, отвѣчалъ онъ. — А развѣ, по твоему мнѣнію, можно опровергать, когда никто не лжетъ?—Нельзя, сказалъ Эвтидемъ.—Я и не требовалъ опроверженія, примолвилъ Діонисіодоръ: какъ требовать того, чего нѣтъ? — Такія мудрыя и прекрасныя вещи, Эвтидемъ, для меня недовольно понятны сказалъ я; вниманіе мое какъ-то тупо въ этомъ отношеніи. Поэтому я предложу тебѣ такой вопросъ, который можетъ
 287. быть покажется оскорбительнымъ; но ты извини меня. Смотри-ка: нельзя ни лгать, ни ложно мыслить, ни быть невѣждою, а потому ни ошибаться, когда что дѣлаешь; вѣдь кто дѣлаетъ, тотъ не можетъ ошибиться въ томъ, что дѣлаетъ. Не такъ ли говорите вы?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Вотъ же оскорбительный вопросъ, сказалъ я: если мы не ошибаемся ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ мысляхъ, если все это справедливо; то, ради Зевса, кого пришли вы учить? Развѣ не объявили вы недавно, что лучше всякаго человѣка преподаете
 в. добродѣтель каждому, кто хочетъ учиться? — Ты, Сократъ, настоящій Кроносъ ¹, подхватилъ Діонисіодоръ, если припоминаешь, что говорили мы прежде; ты повторилъ бы все, что сказалъ я за годъ, а не знаешь, какъ взяться за то, что говорится теперь. — Да теперешнее-то, видишь, трудно ², отвѣчалъ я, конечно потому, что сказано мудрецами; вотъ и въ послѣднихъ словахъ твоихъ очень трудно взяться за тебя. Не самъ ли ты говоришь, Діонисіодоръ, что *я не могу взяться за твои слова?* а это не значитъ ли, что мнѣ не опро-
 с. вергнуть ихъ? Скажи, иначе ли какъ нибудь понимаешь ты выраженіе: *я не знаю, какъ взяться за твои слова?*—Но вѣдь и за то, что говоришь ты, тоже трудно взяться. Однакожь,

¹ Слово *Κρόνος* здѣсь весьма умѣстно: софисты приписываютъ Сократу только способность помнить прошедшее и упрекаютъ его въ недостаткѣ вниманія къ настоящему. См. *Aristoph. Nubb. v. 926. Vesp. v. 1458. Plut. v. 581.* Въ томъ же смыслѣ употребляется *ἀρχαῖος*, *Nubb. v. 823. 908. Plut. v. 319. al.* Посему напрасно нѣкоторые филологи замѣняютъ его словомъ *κενός*.

² *Видишь, теперешнее-то очень трудно, καὶ γὰρ χαλεποὶ εἰσιν. Χαλεποὶ τ. ε. λόγοι*, очевидно относится къ предъидущему *τοῖς λεγομένοις*, и поставлено во множественномъ числѣ *κατὰ σύνεσιν*, потому что *τοῖς λεγομένοις* тоже что *τοῖς λόγοις*.

отвѣчай мнѣ. — Какъ? не дождавшись твоего отвѣта, Діонисіодоръ? сказалъ я. — Ты не отвѣчаешь? — Такъ и должно быть. — Конечно такъ должно быть, прибавилъ онъ. — А почему? спросилъ я: видно по тому, что ты пришелъ къ намъ, какъ всесвѣтнѣйшій мудрецъ въ словѣ; ты знаешь, когда должно отвѣчать, когда нѣтъ; и теперь не отвѣчаешь, зная, что D. отвѣчать не должно? — Ты оскорбляешь, а не думаешь объ отвѣтахъ, сказалъ онъ. Послушайся, добрый человѣкъ, и отвѣчай: вѣдь самъ же соглашаешься, что я мудрецъ. — Кажется, необходимость велитъ послушаться; потому что ты управляешь бесѣдою. Спрашивай. — Что мыслить, спросилъ онъ: то ли, въ чемъ есть душа, или то, что бездушно? — То, въ чемъ есть душа. — А знаешь ли ты какое-нибудь выраженіе, въ которомъ была бы душа? — Клянусь Зевсомъ, что не знаю. — По чему же ты недавно спрашивалъ, какой смыслъ имѣетъ (νοοί) ¹ мое выраженіе? — Конечно по тому только, E. отвѣчалъ я, что слабость ума заставила меня ошибиться. Или, можетъ быть, я не ошибся? можетъ быть и правда, что выраженія мыслятъ? Какъ ты думаешь: ошибся я или нѣтъ? Если не ошибся; то ты не опровергнешь меня и, не смотря на свою мудрость, не сумѣешь взяться за слово: а если ошибся, то ты неправду утверждалъ, будто нельзя ошибаться. И это относится уже не къ тому, что сказано было тобою за 288. годъ. Такъ-то, Діонисіодоръ и Эвтидемъ, продолжалъ я, ваша мудрость, видно, всегда въ одномъ состояніи: она и теперь еще, какъ въ древности, низвергая другое, падаетъ сама; и ваше искусство, не смотря на столь дивный подборъ словъ, донинѣ не нашло средства выйти изъ этого состоянія. — Послѣ того Ктизиппъ сказалъ: что за странныя вещи говорите вы, мужи турійскіе, хіосскіе, или какіе еще, — какимъ именемъ угодно вамъ называться, — вы, которымъ сумасброд-

¹ Выше Сократъ сказалъ: какой другой смыслъ имѣетъ твое выраженіе, и употребилъ слово ἐννοεῖ: τί σοι ἄλλο ἐννοεῖ τοῦτο τὸ ῥῆμα, т. е. какую мысль внушаетъ твое выраженіе? Но союзъ ἐννοεῖ замѣняетъ глаголомъ νοεῖ и даетъ словамъ Сократа совсѣмъ другое значеніе: какой смыслъ имѣетъ (т. е. мыслить) мое выраженіе? ὃ τί μοι νοεῖ (или по лучшимъ спискамъ νοοῖ) τὸ ῥῆμα.

ствовать ничего не стоитъ!—Опасаясь, чтобы между ими не произошло ссоры, я снова остановилъ Ктизиппа и сказалъ: Ктизиппъ! считаю нужнымъ и тебѣ напомнить тоже самое, что напоминалъ Клиніасу. Ты не знаешь, какъ удивительна мудрость этихъ иностранцевъ; только они не хотятъ серьезно раскрыть ее намъ, а подражаютъ Протею, египетскому со-
 с. фисту, и чаруютъ насъ. Будемъ же и мы подражать Менелаю ¹ и не отстанемъ отъ этихъ мужей, пока не обнаружится серьезная сторона ихъ знанія. Я надѣюсь, что они откроютъ нѣчто превосходное, когда начнутъ говорить не-шутя. И такъ попросимъ ихъ, убѣдимъ, умолимъ быть откровенными. Между тѣмъ мнѣ хочется снова показать имъ, какого бы объ-
 D. ясненія просилъ я отъ нихъ; а потому попытаюсь, какъ могу, повести свою бесѣду далѣе отъ той точки, на которой прежде остановился. Можетъ быть, чрезъ это мнѣ удастся вызвать ихъ къ дѣлу; можетъ быть изъ участія и жалости къ моимъ серьезнымъ усиліямъ, они и сами заговорятъ серьезнѣе.

И такъ Клиніасъ, сказалъ я, напомни мнѣ, на чемъ мы остановились. Кажется, мы наконецъ какъ-то тамъ согласились, что должно философствовать. Такъ ли? — Такъ, отвѣчалъ онъ. — А философія есть приобрѣтеніе знанія. Не правда ли? — Правда, сказалъ онъ. — Но какое знаніе можно прио-
 E. брѣтать, чтобы приобрѣсть его справедливо? не то ли, обыкновенно, которое обѣщаетъ намъ пользу? — Конечно то. — Было ли бы для насъ полезно ходить и узнавать, гдѣ въ землѣ зарыто много золота? — Можетъ быть, отвѣчалъ онъ. — Однакожь, прежде мы доказали, возразилъ я, что нѣтъ ника-

¹ Здѣсь Платонъ дѣлаетъ аллюзію на известное мѣсто Омировой Одиссеи. L. IV. v. 354. sqq. Менелай, задерживаемый вѣтрами на морѣ, долго не могъ попасть въ свое отечество и рѣшился спросить Протея о причинѣ медленнаго плаванія. Идотея, дочь Протеева, научила его, какъ удержать бога—прорицателя, когда онъ вынырнетъ изъ моря, и заставить его удовлетворить вопрошателя. Слѣдуя ея наставленію, Менелай схватилъ Протея и, не смотря ни на какія его превращенія, не выпускалъ его изъ рукъ своихъ, пока тотъ, принявъ прежній свой образъ, не произнесъ пророчества.

кой пользы собрать себѣ все золото, даже безъ труда и безъ раскапыванія земли; вѣдь, если бы мы умѣли и камни превращать въ золото, наше умѣнье еще не имѣло бы ника- 289. кой цѣны; ибо кто не знаетъ, какъ пользоваться золотомъ, тому оно вовсе бесполезно. Помнишь ли ты это, спросилъ я? — Какъ же; помню. — Такимъ же образомъ нѣтъ никакой пользы и въ прочихъ знаніяхъ, напримѣръ, въ промышленномъ, врачебномъ и другихъ, которыя, наставляя, что должно дѣлать, не употребляютъ сдѣланнаго. Правда ли? — Подтвердилъ. — Еслибы даже было знаніе дѣлать бессмертными, в. да не научало пользоваться бессмертіемъ; то и оно, по вышешпринятымъ основаніямъ, не приносило бы, какъ видно, никакой пользы. — Во всемъ этомъ мы согласились. — И такъ, любезное дитя, сказалъ я, намъ нужно такое знаніе, въ которомъ совпадали бы и дѣланіе, и умѣнье пользоваться тѣмъ, что дѣлается. — Явно, примолвилъ онъ. — Далеко до того одна-кожъ, чтобы мы, умѣя дѣлать лиру, были мастера и играть на ней; потому что здѣсь иное — дѣлать, а иное — пользо- с. ваться: эти искусства отдѣльны одно отъ другаго, то-есть, дѣланіе лиры и игра на лирѣ взаимно различаются. Не такъ ли? — Подтвердилъ. — Не нужно намъ разумѣется, и искусство играть на флейтѣ ¹; потому что и оно отлично отъ дѣланія флейты. — Согласился. — Но ради боговъ! сказалъ я: когда мы изучаемъ искусство сочинять рѣчи; то оно ли то, которое изучивши, мы должны быть счастливыми? — Не ду- d. маю, отвѣчалъ Клиніасъ. — А на какомъ основаніи, спросилъ я? — Мнѣ извѣстны нѣкоторые писатели рѣчей ², отвѣчалъ онъ, не умѣющіе пользоваться написанными рѣчами, подобно тому, какъ дѣлатели лиръ не пользуются своими лирами, то-

¹ Эти слова Сократа надобно представлять въ связи не съ тѣми, за которыми онъ непосредственно слѣдуютъ, а съ главнымъ предметомъ рѣчи: *нѣтъ никакой пользы и въ прочихъ знаніяхъ, напримѣръ, въ промышленномъ, врачебномъ и другихъ.* р. 289 А.

² *Писатели рѣчей, λογοποιοί*, суть тѣ самые, которые въ концѣ этого разговора называются *λογογράφοι*, то-есть, люди сочиняющіе рѣчи по заказу, для защищенія какого-нибудь судебнаго дѣла. *Pierson ad Moser.* р. 244.

гда какъ другіе весьма хорошо пользуются ими, хотя сами не въ состояніи сочинять рѣчи. А отсюда видно, что и относительно рѣчей, искусство сочинять ихъ и искусство пользоваться ими—отдѣльны.—Ты привелъ, кажется, достаточное основаніе, что искусство сочинять рѣчи не есть то приобрѣтеніе, которое сдѣлало бы насъ счастливыми: а я изъ него то именно и думалъ было произвести такъ давно искомое нами знаніе. Вѣдь люди, сочиняющіе рѣчи, когда случается встрѣтиться съ ними, кажутся, Клиніасъ, чрезвычайно мудрыми, а самое искусство ихъ — божественнымъ, высокимъ: и не удивительно; потому что оно есть часть искусства обаятелей и въ немногомъ уступаетъ ему. Обаятели заговариваютъ змѣй, пауковъ, скорпіоновъ и другихъ животныхъ, или болѣзни; а сочинители рѣчей, заговариваютъ и укрощаютъ судей, депутатовъ и народную толпу. Или ты, можетъ быть, иначе представляешь? спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, мнѣ кажется такъ, какъ ты говоришь.—Къ чему же еще обратимся мы? къ какому искусству? ¹—Не придумаю, сказалъ онъ.—А я, кажется, нашелъ.—Какое же? спросилъ Клиніасъ.—По видимому воинское, отвѣчалъ я: прибрѣтеніе его, скорѣе всѣхъ другихъ можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ.—О, не думаю.—Какъ? сказалъ я.—Вѣдь оно есть искусство охотиться за людьми.—Такъ чтожь? спросилъ я.—Никакая охота, отвѣчалъ онъ, не простирается далѣе цѣли поймать и схватить. Но схвативъ, что ловили, охотники не могутъ пользоваться своею добычею: напротивъ, псары и рыболовы отдаютъ ее поварамъ; геометры, астрономы и счетчики (ибо и они охотники, потому что не сами дѣлаютъ фигуры ², а находятъ уже готовые), по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ нихъ, умѣя не употреблять, а только ловить, довѣряютъ пользоваться

¹ Которое бы, то-есть, приносило пользу,—предписывало правила и исполняло ихъ самымъ дѣломъ, слѣдовательно дѣлало человѣка счастливымъ.

² *Не сами дѣлаютъ фигуры, оὐ γὰρ ποιοῦσι τὰ διαγράμματα;* то-есть, ихъ искусство не есть *ποιητικὴ τέχνη*, не изобрѣтаетъ, не творитъ чего-нибудь новаго, но рассматриваетъ уже данное, слѣдовательно по справедливости должно быть названо *ἑρμηνευτικὴ*. Имѣть дѣло съ фигурами, то-есть, очертаніями вещей, *δια-*

своими открытіями діалектикамъ ¹. — Такъ, прекраснѣйшій и мудрѣйшій Клиніасъ, сказалъ я, истинно такъ. — Конечно, продолжалъ онъ, даже и полководцы, взявъ какой нибудь городъ, или лагерь, передаютъ его политикамъ ², какъ ловцы D. перепеловъ, которые сдаютъ свою добычу перепелопитателямъ, потому что сами не могутъ пользоваться тѣмъ, что взяли. По этому, если намъ нужно такое искусство, сказалъ онъ, которое, научая дѣлать или ловить, равно научало бы и пользоваться дѣломъ или добычею, и чрезъ то доставляло бы намъ счастье; то, вмѣсто воинскаго, надобно поискать какого-нибудь другаго.

Крит. Что ты говоришь, Сократъ? Не уже ли этотъ E. мальчикъ въ самомъ дѣлѣ такъ рассуждалъ?

Сокр. А ты не вѣришь, Критонъ?

Крит. Да, клянусь Зевсомъ. Если онъ это говорилъ; то ему, кажется, не нужно учиться ни у Эвтидема, ни у другаго какаго бы то ни было человѣка.

Сокр. Но въ самомъ дѣлѣ, ради Зевса, не Ктизиппъ ли ужъ говорилъ это? не смѣшалъ ли я?

Крит. Какой Ктизиппъ!

291.

Сокр. По крайней мѣрѣ мнѣ хорошо помнится, что это говорено не Эвтидемомъ и не Діонисіодоромъ. Но, любезнѣйшій Критонъ, не рассуждалъ ли такимъ образомъ кто-ни-

υράκιματα, по видимому свойственно только геометрамъ и астрономамъ, а не счетчикамъ, или по нынѣшнему, алгебристамъ: но подъ словомъ *διαυράκιματα* надобно разумѣть какъ пространственное, такъ и численное выраженіе предметовъ, вообще — природу въ явленіяхъ.

¹ *Δοκτρίζουσιν* пользоваться своими открытіями діалектикамъ; потому что подъ именемъ діалектики Греки разумѣли науку, изслѣдывающую внутреннія свойства вещей, что нынѣ философія, и въ этомъ отношеніи противоположали ее наукамъ опытнымъ, которыя занимаются явленіями природы. См. de Rep. VII. p. 531. В. — 536. С.

² *Πολιτικάμιν*, *πολιτικοῖς ἀνδράσι*, то-есть, дипломатамъ, которые рассуждаютъ о сдачѣ взятыхъ лагерей или городовъ, объ условіяхъ мира или перемирія, объ управленіи завоеванными странами и проч. Сравненіе полководцевъ съ ловцами перепеловъ, кажется, есть намекъ на отношеніе сильнѣйшихъ греческихъ республикъ къ слабѣйшимъ, и походить на колкую укоризну, хотя Сократъ, какъ извѣстно, былъ и великій патріотъ.

будь превосходнѣйшій изъ бывшихъ тамъ? А что я дѣйстви-
тельно слышалъ это, нельзя сомнѣваться.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что вѣрно кто-ни-
будь превосходнѣйшій ¹ и гораздо лучшій. Но какого же по-
томъ искали вы искусства? и нашли ли, или не нашли, чего
искали?

- В. *Сокр.* Гдѣ найти, другъ мой! Мы только сдѣлались смѣш-
ными, какъ дѣти, гонящіяся за жаворонками ²: мы готовы
были тотчасъ схватить то одно, то другое знаніе; но онѣ
всегда ускользали отъ насъ. Впрочемъ, что много говорить?
Когда мы дошли даже и до царскаго искусства, съ намѣрені-
емъ разсмотрѣть, не оно ли доставляетъ намъ счастье и бы-
ваетъ его причиною; то и тутъ попали какъ будто въ лаби-
ринтъ и, думая, что уже конецъ розысканіямъ, очутились
снова среди недоумѣній, колебавшихъ насъ при самомъ на-
чалѣ изслѣдованія, и увидѣли, что намъ все столько же не-
С. достааетъ, сколько недоставало прежде.

Крит. Какъ же это случилось, Сократъ?

Сокр. Я расскажу. Намъ, видишь, представилось, что
политическое и царское искусство—одно и то же.

Крит. Такъ чтожь тутъ?

Сокр. Этому искусству, такъ какъ оно одно только знаетъ
употребленіе всего, передаютъ власть надъ дѣлами, и воин-
ское и прочія производительныя искусства. Такъ ясно, что
оно показалось намъ тѣмъ самымъ, чего мы искали, то-есть,

¹ *Вѣрно кто-нибудь превосходнѣйшій, τὸν κρείττονων μὲντοι τις ἐμοὶ δοκεῖ.*
Не объявляя прямо, кто сказалъ это, Сократъ однакожь утверждаетъ, что
онъ слышалъ эти мысли, и такимъ образомъ какъ будто указываетъ на вну-
шеніе божественное; ибо подъ словомъ *κρείττονες* Греки иногда разумѣли бо-
говъ. См. *Schaefer. melett. p. 31. Dissen. ad Pindar. p. 132.* Между тѣмъ
Критонъ *κρείττονες* относитъ къ кому-нибудь изъ отличнѣйшихъ собесѣдниковъ
Сократовыхъ.

² *Какъ дѣти, гонящіяся за жаворонками, διςπερ τὰ παιδία τὰ τοῦς κερυδοῦς
διώκουτα.* Это выраженіе, кажется, имѣло силу пословицы: но его нельзя по-
читать однозначительнымъ съ нашею поговоркою: дѣти, гонящіяся за бабоч-
кой; потому что оно указываетъ на дѣйствіе невыполнимое, на предпріятіе
выше силъ человѣческихъ, и чрезъ то намекаетъ, что искомое знаніе, или
истинная мудрость и добродѣтель — даются небомъ, а не землею.

причиною правильной дѣятельности въ городѣ, которая, какъ говорится въ ямбахъ Эсхилovýchъ ¹, одна возсѣдаетъ у государственнаго кормила, одна, всѣмъ управляя, и надъ всѣмъ начальствуя, на все разливаетъ пользу. D.

Крит. Чтожь? вѣдь вамъ хорошо показалось, Сократъ?

Сокр. А вотъ самъ разсудишь, Критонъ, когда захочешь послушать, что было послѣ этого. Мы тотчасъ начали разсматривать предметъ слѣдующимъ образомъ: Пусть такъ; но господствующее надъ всѣмъ царское искусство производить ли для насъ что-нибудь, или не производить? — Конечно производить что-нибудь, сказали мы другъ другу. И ты, Критонъ, сказалъ бы это?

Крит. И я.

Сокр. Но какое дѣло ты приписалъ бы ему? Положимъ, я спросилъ бы тебя: что производить врачебное искусство, поколику начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ? — Ты конечно отвѣчалъ бы: здоровье?

Крит. Да.

Сокр. Потомъ, что производить ваше искусство земледѣлія ², поколику оно начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ? — Не сказалъ ли бы ты, что оно произращаетъ 292. изъ земли пищу?

Крит. Да.

Сокр. Но что производить царское искусство, поколику оно господствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ господствуетъ? Можетъ быть, при этомъ ты не вдругъ найдешься.

Крит. Не вдругъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Равно и мы, Критонъ. Да и то еще знай, что если

¹ См. Трагедію Эсхила *ἑπτὰ ἐπὶ Θήβαις*. v. I. Κάδμω πολίται, χρὴ λέγειν τὰ χαίρια ὅστις ζυλάσσει πρῶτος ἐν πύρην πόλεως Οἶακα νωμῶν, βλέφαρα μὴ κοίμων ὕπνω.

² *Ваше искусство, земледѣліе.* Многие Афиняне, имѣвшіе въ Атикѣ помѣстья, сами обрабатывали поля свои. Сравни. *Воескѣ. Оесопом. Athen. T. I. 44. sq.* Ниже (р. 304. С.) Платонъ относитъ Критона къ классу τῶν χρηματιστῶν.

есть такое искусство, какого мы ищемъ, то оно должно быть полезно.

Крит. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, оно должно подавать намъ какое-нибудь благо?

Крит. Необходимо, Сократъ.

В. *Сокр.* А благо, по обоюдному нашему согласію съ Клиніасомъ, есть не что иное, какъ нѣкоторое знаніе.

Крит. Да, ты говорилъ такъ.

Сокр. По этому всѣ дѣла, приписываемыя политикѣ — а такихъ дѣлъ много: напримѣръ, доставлять гражданамъ богатство, свободу, спокойствіе — всѣ онѣ, по видимому, ни худы, ни хороши. Политика должна сдѣлать насъ мудрыми и преподать намъ знаніе, если она обязана облагодѣтельствовать и счастливить насъ.

С. *Крит.* Правда; и вы тогда конечно согласились въ этомъ заключеніи, какъ ты рассказывалъ о вашей бесѣдѣ.

Сокр. Но царское искусство дѣлаетъ ли людей мудрыми и добрыми?

Крит. Что же можетъ препятствовать, Сократъ?

Сокр. Дѣлаетъ добрыми всѣхъ и во всемъ? сообщаетъ всякое знаніе, — и кожевненное и плотническое и всѣ другія?

Крит. Не думаю, Сократъ.

Д. *Сокр.* И такъ, какое же знаніе? Какимъ знаніемъ пользуемся мы отъ этого искусства? Само оно, изъ всѣхъ худыхъ и добрыхъ дѣлъ, не производитъ ни одного; а знаніе не даетъ никакого знанія, кромѣ самаго себя. По этому спрашивается: въ чемъ состоитъ то, чѣмъ мы пользуемся отъ него? Хочешь ли, Критонъ, мы назовемъ его искусствомъ дѣлать людей добрыми?

Крит. Конечно.

Сокр. Но чѣмъ будутъ у насъ добрые? и въ чемъ они полезны? Пожалуй, мы скажемъ еще, что добрые сдѣлаютъ добрыми другихъ, а другіе опять другихъ: все однакоже не
Е. откроется, что такое добрые, когда мы не изслѣдовали дѣла,

приписываемаго политикѣ. Такимъ образомъ, по простой пословицѣ, остается вѣчное тоже (*ὁ Διὸς Κορινθῶς*) ¹ и, какъ я говорилъ, намъ недостаетъ столько же, или еще болѣе, нежели прежде, для отысканія такого знанія, которое сдѣлало бы насъ счастливыми.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, вы, какъ видно, запутались въ большія недоумѣнія.

Сокр. Запутавшись въ такія недоумѣнія, Критонъ, я и ^{293.} самъ уже закричалъ изо всей силы, прося иностранцевъ и призывая ихъ, какъ Діоскуровъ ¹, спасти насъ — меня и дитя — отъ этого тревожнаго разговора, позаботиться и нешутя показать, въ чемъ состоитъ то знаніе, съ помощію котораго могли бы мы хорошо провести остальную свою жизнь.

Крит. Чтожь? согласился ли Эвтидемъ сказать вамъ это?

Сокр. Какъ же, другъ мой; онъ дѣйствительно началъ очень свысока слѣдующее слово.

Хочешь ли, Сократъ, чтобъ я преподалъ тебѣ то знаніе, въ разсужденіи котораго вы такъ давно недоумѣваете, или до- ^{В.} казалъ, что ты уже имѣешь его? — О счастливецъ! воскликнулъ я; неужели оно у тебя? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Такъ покажи мнѣ его и докажи, ради Зевса, что оно есть и у меня; вѣдь это легче, чѣмъ учиться такому старику, какъ я. — Изволь. Отвѣчай мнѣ: знаешь ли ты что-нибудь? — Да, многое отвѣчалъ я, только все мелочи. — Достаточно, сказалъ онъ. Почитаешь ли ты возможнымъ, чтобы того самаго сущаго котораго есть, не было? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не почитаю. — Но не сказалъ ли ты, что кое-что знаешь? — Ска- ^{С.}

¹ *Вѣчное тоже*, или Зевсовъ Коринѣцъ, *ὁ Διὸς Κορινθῶς*, — пословица, выражавшая вѣчное вращаніе въ сферѣ извѣстнаго понятія, и прилагавшаяся къ такимъ доказательствамъ, въ которыхъ первое доказывается вторымъ, а второе первымъ. Происхожденіе этой пословицы объяснили Müller. Doriens. 1. p. 88 9. Dissem. ad Pindar. p. 467. Wachsmuth Hellen. Alterthumsk. II. 2. p. 188.

¹ Діоскурами Греки называли созвѣзд'е Кастора и Поллукса, къ которымъ они обращались съ молитвами при кораблекрушеніяхъ. По сему упомянувъ о тревожномъ разговорѣ, Сократъ здѣсь очень кстати уподобляетъ Эвтидема и Діонисіодора Діоскурамъ.

заль. — И такъ ты знатокъ, когда знаешь? — Конечно, знатокъ того именно, что знаю. — Все равно. Развѣ не необходимо, что знатокъ знаетъ все? — Нѣтъ, ради Зевса, вѣдь я многого не знаю. — А если чего-нибудь не знаешь, то и незнатокъ? — Незнатокъ того именно, чего не знаю, другъ мой, сказалъ я. — По этому, продолжалъ онъ, ты не меньше незнатокъ? между тѣмъ самъ же сейчасъ говорилъ, что знатокъ. Стало быть ты то, что есть, и вмѣстѣ-не то, что есть. — По-
 Д. ложимъ, Эвтидемъ, сказалъ я: ты-таки, по пословицѣ, прекрасно трещишь (*καλά δὴ παταγείς*) ¹. Но какъ же мнѣ попасть на то знаніе, котораго мы искали? Выходить, что такъ какъ нельзя, чтобы одно и то же было и не было; то, если я знаю одно, знаю и все,—ибо невозможно быть вмѣстѣ знатокомъ и незнатокомъ. А когда я знаю все; тогда обладаю и тѣмъ знаніемъ, котораго мы искали. Не это ли твоя мысль, мудрое твое открытіе? — Ты уже и самъ себя опровергаешь, Со-
 Б. кратъ, сказалъ онъ.—Какъ? Эвтидемъ, возразилъ я; а тебѣ не то же приключилось? Я не досажую, что раздѣляю равную участь съ тобой и Діонисіодоромъ, этою любезною головою. Скажи, не правда ли, что оба вы одно сущее знаете, а другаго не знаете?—Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — Что вы говорите? сказалъ я; развѣ вы ничего не
 294. знаете?—Конечно ². — А когда нѣчто знаете, то знаете и

¹ Ты-таки, по пословицѣ, прекрасно трещишь, τὸ γὰρ λεγόμενον, καλά δὴ παταγείς. Во всѣхъ почти изданіяхъ стоитъ: καλά δὴ πάντα λέγεις, а по Схоліасту, καλά δὴ πάντ' ἄγεις. Но въ этихъ выраженіяхъ не видно никакой пословицы; слѣдовательно здѣсь текстъ поврежденъ. Штальбомъ, основываясь на замѣчаніяхъ *Abreschii ad Hesychium et Dindorfii fragm. Aristoph. p. 100* поправляетъ его такъ: καλά δὴ παταγείς; и эта поправка весьма нравится, потому что у *Исидора Vol. II. p. 117. καλά δὴ παταγείς*, дѣйствительно называется пословицею.

² Конечно, καὶ μάλα. Штальбомъ говоритъ, что здѣсь надобно подразумѣвать ἐπιστάμενά τι; какъ будто бы то-есть Діонисіодоръ отвѣчаетъ отрицательно: нѣтъ, мы ничто знаемъ. Но это дополненіе вовсе не нужно; софистъ только подтверждаетъ мысль Сократа и соглашается, что они ничего не знаютъ. Сила софизма — въ слѣдующемъ: каждый человѣкъ или знатокъ, или незнатокъ: знатокъ—потому, что зная нѣчто, знаетъ все; незнатокъ потому, что не зная чего-нибудь, не знаетъ ничего. По этому софисты могли доказывать, что они и все знаютъ, и ничего не знаютъ.

все? — Все, отвѣчалъ онъ, такъ же какъ и ты, зная одно, знаешь все. — О Зевсъ! сказалъ я, какія дивныя слова, и сколько открывається въ нихъ добраго! А прочіе люди знаютъ все, или ничего?—О, прочіе-то люди, примолвилъ онъ, одно знаютъ, а другаго не знаютъ; они вмѣстѣ знатоки и незна- токи ¹. — Но какъ же это? спросилъ я.—Такъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ, что всѣ знаютъ все, если знаютъ одно. — О, ради боговъ, Діонисіодоръ! вскричалъ я: теперъ ясно, что вы **В.** говорите не шутя; насилу я вызвалъ васъ къ серьезной бесѣдѣ. И такъ вы въ самомъ дѣлѣ все умѣете? и плотничать и кожевничать? — Конечно. — И чинить башмаки? — Да, сударь, и подшивать подметки ². — Умѣете также сосчитать, сколько звѣздъ и песку?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. А ты думалъ, что мы не подтвердимъ этого?—Тутъ Ктизиппъ прервалъ нашъ разговоръ и сказалъ: представьте же, ради Зевса, Діонисіодоръ, какое нибудь доказательство, изъ кото- **С.** раго бы видно было, что вы говорите правду. — Что я представлю тебѣ? отвѣчалъ онъ.—Знаешь ли ты, сколько зубовъ у Эвтидема? и знаетъ ли Эвтидемъ, сколько ихъ у тебя? — А развѣ тебѣ не довольно было слышать, что мы все знаемъ?—Отнюдь не довольно отвѣчалъ онъ. Скажите намъ еще это одно, и тѣмъ докажете, что говорите правду. Когда вы скажете, сколько у cadaго изъ васъ зубовъ, и когда, сосчита- вавъ ихъ, мы увидимъ, что число ихъ дѣйствительно таково; тогда повѣримъ вамъ и во всемъ другомъ. — Подумавъ, что Ктизиппъ смѣется надъ ними, они не захотѣли говорить, и **D.** на каждый вопросъ его отвѣчали только, что все знаютъ; — ибо кажется ничего уже не оставалось, о чемъ бы Ктизиппъ

¹ Очевидно, что Діонисіодоръ говоритъ это иронически: но какъ велико различіе между ироніею Сократовою и софистическою! Сократъ тонокъ и вѣжливъ; внѣшною стороною его рѣчи нельзя оскорбиться: напротивъ софисты грубы и дерзки; ихъ выраженія носятъ характеръ ребяческаго своенравія.

² Да, сударь, и подшивать подметки, *καὶ καὶ μὲν διὰ κατὰ εἶναι*. Такъ объясняетъ слово *κατὰ εἶναι* Casaub. ad Theophr. Char. IV. p. 58. Формула *καὶ καὶ μὲν διὰ*, или *ἢ καὶ ἢ διὰ* соотвѣтствуетъ латинской: *et mehercule*, и входитъ въ рѣчь, какъ выраженіе досады, или насмѣшки. *Schaefer. Melett. Critt. p. 62. Fritsch. Quaest. Lucian. p. 155. sqq.*

- весьма откровенно не спрашивалъ ихъ, даже о вещахъ самыхъ постыдныхъ: а они, какъ дикіе кабаны на ударъ, смѣло и дружно шли на вопросы, повторяя, что все знаютъ. Наконецъ и я, Критонъ, побуждаемый невѣріемъ, спросилъ
- Е. Эвтидема: не умѣетъ ли Діонисіодоръ и плясать?—Конечно умѣетъ, отвѣчалъ онъ.—Но ужь вѣрно не пляшетъ на головѣ по ножамъ и, будучи въ такихъ лѣтахъ, не вертится на колесѣ? ¹ Вѣрно его мудрость не простирается столь далеко?—Для него нѣтъ ничего невозможнаго, сказалъ онъ. — Однакожь, теперь ли только вы все знаете, или и всегда знали? спросилъ я. — И всегда, отвѣчалъ Эвтидемъ.—Знали, когда были дѣтми и едва родились? — Все, сказали оба вмѣстѣ. —
295. Намъ показалось это невѣроятнымъ, и Эвтидемъ спросилъ: что? не вѣришь, Сократъ?—Да, кромѣ того только, примолвилъ я, что вы, должно быть, люди мудрые. — Но если хочешь отвѣчать, сказалъ онъ, я докажу, что и ты обладаешь столь же дивными вещами. — О, съ удовольствіемъ готовъ быть обличенъ въ этомъ, сказалъ я. Вѣдь если я мудръ, самъ того не сознавая, и ты докажешь, что мнѣ все и всегда было извѣстно; то найду ли въ цѣлой жизни сокровище болѣе этого?—Отвѣчай же, сказалъ онъ.—Спрашивай, буду отвѣ-
- В. чать. — Знатокъ ли ты чего-нибудь, Сократъ, или незна-токъ? спросилъ онъ. — Знатокъ.—Но тѣмъ ли ты и знаешь, чѣмъ знатокъ, или не тѣмъ? — Чѣмъ знатокъ, то-есть, душею, сколько я понимаю тебя. Впрочемъ можетъ быть ты иное разумѣешь?—Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, на вопросъ отвѣчалъ вопросомъ? — Пусть стыдно, сказалъ я; но какъ же мнѣ поступить? Пожалуй, буду дѣлать, что приказываешь: только приказываешь ли ты мнѣ не спрашивать, а отвѣчать, даже и тогда, когда я не знаю, о чемъ ты спраши-
- С. ваешь?—Однакожь ты понимаешь что-нибудь въ моихъ вопросахъ? сказалъ онъ.—Понимаю. —Тагъ на то и отвѣчай, что понимаешь.—Какъ? если ты съ своимъ вопросомъ соеди-

¹ Объ этомъ искусствѣ греческихъ балансеровъ см. *Xenoph.* внутр. II. 11. и *Virgnet.* примѣч. къ означенному мѣсту Ксенофонта Пира.

няешь одинъ смыслъ, а я приписываю ему другой и, сообразно своему понятію, отвѣчаю; то мой отвѣтъ, нисколько не относящійся къ дѣлу, не ужели можетъ удовлетворить тебя?—Меня-то можетъ удовлетворить, сказалъ онъ: а тебя, не думаю.—О такъ, ради Зевса, я не буду отвѣчать, не увѣрившись въ смыслѣ вопроса. — Ты не будешь отвѣчать на вопросы, сообразно своему понятію, конечно по тому, что тебѣ хочется быть болтуномъ и упрямѣе обыкновеннаго. — Замѣтивъ, что онъ сердится за различіе словъ, которыми D. хотѣлъ бы обойти и поймать меня, я вспомнилъ, что и Коннъ всякой разъ досадуетъ, какъ скоро я не соглашаюсь съ нимъ, и тогда уже гораздо менѣе заботится обо мнѣ, потому что почитаетъ меня неучемъ. А такъ какъ во мнѣ родилась мысль брать уроки и у Эвтидема; то я призналъ за лучшее согласиться съ нимъ, чтобы послѣ онъ не отвергъ меня, какъ негоднаго слушателя, и для того сказалъ: если, по твоему мнѣнію, Эвтидемъ, такъ надобно дѣлать, то дѣлай; по- E. тому что ты безъ сомнѣнія лучше умѣешь вести разговоръ, чѣмъ я, человѣкъ неученый. Спрашивай же сначала. — Хорошо, сказалъ онъ, отвѣчай опять: знаешь ли ты то, что знаешь, или нѣтъ? — Знаю, и при томъ душею. — Но вотъ 296. ужъ въ отвѣтъ этого человѣка и больше, чѣмъ въ моемъ вопросѣ: вѣдь я спрашиваю тебя не о томъ, чѣмъ ты знаешь, а о томъ, знаешь ли чѣмъ бы то ни было?—Излишекъ моего отвѣта произошелъ отъ моей необразованности, сказалъ я; извини меня: я уже готовъ отвѣчать просто, что всегда знаю, чѣмъ бы то ни было, то, что знаю.—Но всегда знаешь, продолжалъ онъ, тѣмъ же ли, или иногда тѣмъ, а иногда другимъ?—Всегда, когда знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ же.—Да неужели не перестанешь прибавлять?¹ сказалъ онъ.—Боюсь, чтобы не обмануло насъ это *всегда*. — Насъ не обманетъ; B.

¹ Да неужели не перестанешь ты прибавлять, οὐκ αὖ πάροις... Софисту стало досадно, что Сократъ прибавилъ: *когда знаю, ὅταν ἐπίσταμαι*, ограничивъ этимъ значеніе слова *всегда*, αἰεὶ, которое можетъ быть принимаемо въ двухъ смыслахъ, — какъ *всегда* и какъ *всякій разъ*, и этою двузначенательностію его Эвтидемъ хотѣлъ воспользоваться.

развѣ тебя? Однакожъ отвѣчай. Ты знаешь тѣмъ же всегда? — Всегда, сказалъ я, за исключеніемъ *когда*. — Хорошо, ты знаешь тѣмъ же всегда; но зная всегда, одно знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, а другое другимъ, или все тѣмъ же? — Все вмѣстѣ, что только знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ же. — Опять прежнее прибавленіе, сказалъ онъ. — Ну, пожалуй, С. прочь это: *что только знаю*. — Какая нужда! не устраняй ничего, а только отвѣчай. Можешь ли ты знать все вмѣстѣ, если не все знаешь? — Это было бы чудо, сказалъ я. — Прибавляй же теперь, что хочешь, подхватилъ онъ; ты согласился, что знаешь все вмѣстѣ ¹. — Конечно, если прежнія слова мои: *все знаю, что только знаю*, не имѣютъ никакой силы. — Но ты равно согласился и въ томъ, что всегда знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, *когда* ли зналъ бы ты, или какъ иначе; ибо, по твоимъ же словамъ, ты знаешь всегда и все D. вмѣстѣ; слѣдовательно, ты зналъ все вмѣстѣ и во время дѣтства, и по рожденіи, и въ минуту рожденія, и до рожденія, и до существованія земли и неба. Да ты, клянусь Зевсомъ, всегда, все вмѣстѣ и будешь знать ², если только я пожелаю того. — О пожелай, высокопочтенный Эвтидемъ, сказалъ я, если въ самомъ дѣлѣ говоришь правду! Но я не очень вѣрю, чтобы тебя достало для того, пока съ твоимъ желаніемъ не соединитъ своего и братъ твой, Діонисіодоръ. Въ противномъ случаѣ, могло бы быть ³.

¹ Ты согласился, что знаешь все вмѣстѣ, *ἅπαντα γὰρ ὁμολογεῖς ἐπίστασθαι*. 'Απας есть сокращеніе словъ *ἅμα* и *πᾶς*. Сократъ говорить: странно было бы, если бы я, незная всего, *πάντα*, зналъ все вмѣстѣ, *ἅπαντα*; я знаю все вмѣстѣ только то, что знаю. Но софистъ, не обращая вниманія на это послѣднее ограниченіе, навязываетъ Сократу признаніе, что онъ зная все вмѣстѣ, знаетъ все, и такимъ образомъ *ἅπαντα* принимаетъ въ значеніи *πάντα*.

² Да ты всегда все вмѣстѣ и будешь знать, *αὐτὸς ἀεὶ ἐπίστησει καὶ ἅπαντα*. Филологи въ этомъ выраженіи почитаютъ неумѣстнымъ *αὐτὸς* и замѣняютъ его то *αὐτῆς*, то *εὐθὺς*: но по моему мнѣнію, здѣсь и должно стоять слово *αὐτὸς*; потому что въ этомъ мѣстѣ оно употреблено вмѣсто *οὐ γέ* и почти однозначительно съ слѣдующимъ: *αὐτὸς τε φέυξει πάντα τὰ ἐπιτηδεύματα*. Euthyd. p. 307. В. Ἐγὼ οὖν μοὶ δοκῶ καὶ αὐτὸς πάλιν ὑφηγήσασθαι. Euthyd. p. 288. С.

³ Въ противномъ случаѣ, могло бы быть. См. *Noogweep*. οὕτω δὲ τάχ' ἄν. δὲ стоитъ во всѣхъ спискахъ Платона: но филологи, не понимая Платоновой мысли, исключаютъ эту частицу, какъ глоссема. Между тѣмъ обыкновенное

Скажите (впрочемъ какъ бы мнѣ и недоумѣвать, когда Е. вы, люди чудно мудрые, говорите, что я все знаю), — скажи, Эвтидемъ, какъ я могу знать подобное тому, что люди добрые несправедливы? Скажи, знаю ли я это, или не знаю?—Знаешь, отвѣчалъ онъ.—Что знаю? спросилъ я.— Что люди добрые не несправедливы. — Да, конечно, и давно 297. уже; но вопросъ не о томъ: я говорилъ, что люди добрые несправедливы. Откуда бы мнѣ знать это? — Ни откуда, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — Слѣдовательно, я не знаю этого? — Ты портишь разговоръ, сказалъ Эвтидемъ Діонисіодору. Если бы Сократъ не зналъ этого; то былъ бы вмѣстѣ знатокъ и незнатокъ. — Діонисіодоръ покраснѣлъ. — А ты-то, Эвтидемъ, что говоришь? возразилъ я. Твой братъ утверж- В. даетъ, думаешь, несправедливо: но вѣдь онъ все знаетъ?— Я братъ Эвтидема? быстро подхватилъ Діонисіодоръ. — Подожди, любезный, сказалъ я, пока Эвтидемъ не научитъ меня, какимъ образомъ я знаю, что люди добрые бываютъ несправедливы, и не позавидуй моей наукѣ. — Бѣжишь, Сократъ, сказалъ Діонисіодоръ, отвѣчать не хочешь. — Естественно; потому что я слабѣе васъ и по одиначкѣ: какъ же не бѣжать С. отъ двоихъ-то? Мнѣ далеко до Иракла: но и онъ не могъ сражаться въ то же время и противъ гидры, этой софистики, у которой, по причинѣ ея мудрости, вмѣсто одной отсѣченной словесной головы, раждались многія; и противъ рака, другаго софиста, повидимому, только что вышедшаго изъ моря. Когда этотъ послѣдній досаждалъ ему своими словами и кусалъ его слѣва; Иракль позвалъ на помощь племянника своего Юлея, который дѣйствительно помогъ ему ¹. Если бы и D.

чтеніе намъ кажется весьма вѣрнымъ, и дѣ въ настоящемъ выраженіи необходимо; потому что *οὕτω δὲ* указываетъ на противную мысль: *εἰ συμβοληθεῖν ὁ ἀδελφός*; а слѣдующее *τάχ' ἄν* есть эллипсисъ и мысленно должно быть пополнено словомъ *ἐπιστήσμεν*.

¹ Басня о сраженіи Иракла съ Гидрою и ракомъ, весьма хорошо выражаетъ диалектическій споръ Сократа съ софистами: въ ней каждое обстоятельство имѣетъ ближайшее приложеніе къ настоящему дѣлу — даже и то, что ракъ, надѣвшій Ираклу, недавно выплылъ изъ моря и кусалъ его

ко мнѣ пришелъ сюда Юлей, мой Патроклъ ¹; то поступилъ бы еще не такъ. — Полно тебѣ пѣть-то, сказалъ Діонисіодоръ? отвѣчай-ка: Юлей болѣе ли былъ племянникомъ Иракла, чѣмъ твоимъ?—Ты, Діонисіодоръ, насильно заставляешь меня отвѣчать тебѣ по тому, что непрестанно спрашиваешь, сколько могу замѣчать, отъ зависти, чтобы помѣшать Эвтидему преподавать мнѣ ту мудрую вещь. — Отвѣчай же, сказалъ онъ. — Отвѣчаю, что Юлей былъ племянникомъ Иракла, а моимъ, какъ мнѣ кажется, отнюдь не Е. былъ; потому что отецъ его—не Патроклъ, братъ мой, а Ификлъ, братъ Иракла, сходный съ нимъ по имени ². — Но Патроклъ, сказалъ онъ, твой ли? — Конечно, мы съ нимъ отъ одной матери, хотя и не отъ одного отца. — Слѣдовательно, онъ и братъ тебѣ и не братъ? — Ты слышалъ, другъ мой, что мы только не отъ одного отца: его отецъ былъ Хередемъ, а мой Софронискъ. — И такъ, отецъ былъ Софронискъ и Хередемъ, спросилъ онъ? — Да, отвѣчалъ я, одинъ 298. мой, другой его. — Но Хередемъ не былъ ли другой въ разсужденіи отца? — Да, въ разсужденіи моего отца, сказалъ я.—Однакожь, бывъ другимъ въ разсужденіи отца, онъ былъ

слѣва; ибо это весьма идетъ къ Діонисіодору, который за нѣсколько времени пріѣхалъ въ Аены изъ за моря и сидѣлъ по лѣвую сторону Сократа.

¹ О Патроклѣ, братѣ Сократа, Платонъ не упоминаетъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ своихъ разговоровъ; да и изъ прочихъ писателей никто не говоритъ о немъ. Одинъ только Гемстергузій (ad Lucian. som. § 12), предлагаетъ догадку, будто этотъ Патроклъ былъ ваятель, процвѣтавшій въ 95 олимп. и упоминаемый Плиніемъ (Hist. natur. 37. 8.), что впрочемъ едва ли справедливо. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ говоритъ о своемъ братѣ, что онъ *πλέον ἢ ἄτερων ποιήσεν*. Это выраженіе филологи объясняютъ слѣдующимъ образомъ: *malam rem etiam reiore[m] redderet*. Но такое объясненіе, по нашему мнѣнію, вовсе не вѣрно. Во-первыхъ здѣсь нѣтъ и мысли о худомъ дѣлѣ; во вторыхъ *ἄτερων* значить не *хуже*, а *иначе*, отъ *τὸ ἕτερον*. По этому я перевожу: *онъ поступилъ бы еще не такъ*, то-есть, онъ помогъ бы мнѣ еще болѣе, чѣмъ Юлей Ираклу. Впрочемъ это сказано иронически, а не въ собственномъ смыслѣ.

² *Сходный съ нимъ по имени*. Здѣсь говорится о сходствѣ именъ *Πατροκλῆς* и *Ίφικλῆς*. Сократъ, очевидно шутить надъ стараніемъ софистовъ отыскивать въ каждомъ словѣ основаніе для какого-нибудь новаго софизма. Онъ какъ бы такъ говоритъ: чего стоитъ вамъ Юлеевымъ отцемъ сдѣлать, вѣдѣсто Ифика, Патрокла; вѣдѣ имена-то ихъ сходны.

отецъ? Впрочемъ можетъ быть ты самъ тоже, что камень? ¹— Боюсь, сказалъ я, какъ бы у тебя въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться камнемъ, что однакожь мнѣ не нравится.— А развѣ ты другой въ разсужденіи камня? — Конечно другой.— Но если ты другой въ разсужденіи камня, то ты не камень? И если другой въ разсужденіи золота, то ты не золото? — Правда. — А по тому, если Хередемъ другой въ разсужденіи отца, то онъ не В. отецъ. — Должно быть не отецъ, отвѣчалъ я. — Когда же Хередемъ—отецъ, перехватилъ Эвтидемъ, такъ Софронискъ, какъ другой въ разсужденіи отца, уже не отецъ, и по тому у тебя, Сократъ, нѣтъ отца ². — Тутъ вмѣшался въ разговоръ Ктизиппъ и сказалъ: но развѣ не одинаковое заключеніе и о вашемъ отцѣ? Не правда ли, что онъ другой въ разсужденіи моего отца?—Далеко до этого ³, отвѣчалъ Эвтидемъ. — Какъ! по вашему мнѣнію онъ тотъ же? — Конечно тотъ же, сказалъ онъ.— Ну, мнѣ не хотѣлось бы. Однакожь, С. Эвтидемъ, мой отецъ есть ли только мой, или и другихъ людей?—И другихъ, отвѣчалъ онъ. Да развѣ ты думаешь, что одинъ и тотъ же отецъ не есть отецъ? — Я дѣйствительно такъ думалъ, сказалъ Ктизиппъ.— Что? по твоему, золото не есть золото? человекъ не есть человекъ? спросилъ Эвтидемъ. — Не то, Эвтидемъ, сказалъ Ктизиппъ: ты, по пословицѣ, не вяжешь нитки съ ниткой ⁴; ты говоришь что-то

¹ *Впрочемъ можетъ быть ты самъ тоже, что камень;* то-есть, можетъ быть, ты самъ не другой въ разсужденіи камня. Софистъ видимо досадуетъ на Сократа за то, что онъ ограничиваетъ своими оговорками каждый вопросъ его и чрезъ то мѣшаетъ ему идти къ заключенію. Камнемъ Греки метафорически называли глупца; тотъ же смыслъ въ настоящемъ случаѣ соединилъ съ этимъ словомъ и Діонисіодоръ: но Сократъ, по мнѣнію Шталъбама, принимаетъ его въ значеніи молчанія и отвѣчаетъ: боюсь, что бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ не превратиться въ камень. Сравни. *Symp.* p. 198. С. Съ такимъ изъясненіемъ можно согласиться, если слѣдующія за тѣмъ слова *οὐ μέτοι μοι δοκῶ*, переводить: *а этого мнѣ не хочется*, какъ выше p. 288. С.

² Весь этотъ софизмъ разобранъ Аристотелемъ. *De Sophist. elench.* V. 2. 3. XXIV. 1. 2.

³ *Слишкомъ далеко, πολλοῦ γ', ἔρει, δεῖ.* Софистъ не хочетъ сказать прямо: *πολλοῦ διαφέρει;* ибо прежде самъ доказывалъ, что противорѣчить не возможно.

⁴ *Ты, по пословицѣ, не вяжешь нитки съ ниткой, τὸ λεγόμενον, οὐ λίνον λίνῳ*

странное, будто твой отецъ есть отецъ и другихъ. — Одна-кожь такъ. — Но только ли другихъ людей, спросилъ Ктизиппъ, или также и лошадей и всѣхъ прочихъ животныхъ? —

D. Всѣхъ, отвѣчалъ онъ. — И мать равнымъ образомъ есть мать всѣхъ? — Да, и мать. — По этому твоя мать есть вмѣстѣ мать морскихъ змѣй? — И твоя также, сказалъ онъ. — Слѣдовательно ты братъ пискарей, щенятъ и поросятъ? — И ты также, отвѣчалъ онъ. — А свержъ того, твой отецъ собака? — И твой также. — Ты самъ тотчасъ согласишься въ этомъ, Ктизиппъ, подхватилъ Діонисіодоръ, только отвѣчай мнѣ. Скажи-ка, есть ли у тебя собака? — И очень злая, отвѣчалъ Ктизиппъ. —

E. А есть ли у ней щенята? — Да, тоже злые. — И ихъ отецъ конечно собака же? — Я даже видѣлъ, какъ онъ занимался съ самкою. — Чтожь? вѣдь эта собака твоя? — Конечно. — Значить, этотъ отецъ — твой; слѣдовательно твой отецъ собака, и ты братъ щенятъ. — Потомъ Діонисіодоръ, чтобы не дать Ктизиппу времени говорить, вдругъ перехватилъ рѣчь, и сказалъ: отвѣчай-ка еще не много: ты бьешь эту собаку? — Ктизиппъ засмѣялся и отвѣчалъ: жаль, право, что не могу

299. побить тебя. — Такъ бьешь ли ты своего отца? — Гораздо справедливѣе было бы поколотить вашего, за то, что онъ произвелъ на свѣтъ такихъ мудрыхъ дѣтей. Не правда ли, Эвтидемъ, продолжалъ Ктизиппъ, что вашъ отецъ, который вмѣстѣ и отецъ щенятъ, получилъ много добраго отъ вашей мудрости? — Но вѣдь ни ему, ни тебѣ, Ктизиппъ, нѣтъ надобности во многомъ добрѣ. — Какъ? и ты также, Эвтидемъ, не имѣешь въ немъ нужды? спросилъ Ктизиппъ. — Да, и никто изъ людей. Скажи мнѣ, Ктизиппъ, добро ли, по твоему мнѣнію, больному принимать лекарство, когда онъ имѣетъ въ немъ нужду, или не добро? Равнымъ образомъ, когда че-

συνάπτεις. Эта пословица у Грековъ была въ большемъ употребленіи. См. *Schol.* III. 6. 9. *Hemsterh.* ad *Arist. Plut.* v. 470. *Symplic.* ad *Aristot. Phys.* p. 117. *Suidas* οὐ λίνον λίνου συνάπτεις: ἐπὶ τῶν τὰ αὐτὰ μὴ διὰ τῶν αὐτῶν πρῶτων. Смыслъ ея слѣдующій: ты не соединяешь того, что должно быть соединяемо: ты говоришь, что отецъ есть отецъ, а не обращаешь вниманія на то, чей онъ отецъ.

ловѣкъ идетъ на войну, лучше ли ему вооружиться, или быть невооруженнымъ? — Я говорю утвердительно, хотя напередъ знаю, что ты выведешь отсюда какое-нибудь удивительное заключеніе. — А вотъ увидишь, только отвѣчай. Соглашаясь, что добро человѣку принимать лекарство, когда нужно, не то ли ты утверждаешь, что онъ долженъ принимать этого добра, сколько можно болѣе, и что было бы хорошо, если бы кто истеръ и положилъ ему въ сосудъ цѣлый возъ чемерицы? — Безъ всякаго сомнѣнія, Эвтидемъ, сказалъ Ктизиппъ; лишь бы принимающій, величиною, равнялся дельфійской статуѣ. — Не тоже ли и касательно войны? продол. С. жалъ Эвтидемъ. Если добро быть вооруженнымъ, то конечно надобно имѣть этого добра, то-есть, копій и щитовъ, сколько можно болѣе? — Конечно, отвѣчалъ Ктизиппъ: а ты, Эвтидемъ, вѣроятно другаго мнѣнія? по твоему, нужны только одинъ щитъ и одно копье? ¹ — По моему, такъ. — Даже когда надлежало бы вооружить Геріона и Бріарей? ² Вѣдь я почиталъ васъ — тебя и друга твоего, — какъ мастеровъ въ фехтованьи, людьми, гораздо болѣе свѣдущими въ этомъ отношеніи? — Эвтидемъ замолчалъ, а Діонисіодоръ, по поводу прежняго Ктизиппова отвѣта, спросилъ: Думаешь ли ты, что и D. золото имѣть есть добро? — Конечно, отвѣчалъ Ктизиппъ, при томъ какъ можно болѣе. — Но добрыя вещи, по твоему мнѣнію, надобно имѣть всегда и вездѣ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А ты согласился, что золото есть добро? — Согласился, сказалъ онъ. — Следовательно, его должно имѣть всегда, вездѣ, особенно же въ себѣ, и тотъ былъ бы самымъ счастливымъ человѣкомъ, у кого таланта три золота было E. бы въ брюхѣ, съ талантъ въ черепѣ и по статуру въ каждомъ глазѣ? — Но вѣдь говорятъ же, Эвтидемъ, отвѣчалъ Ктизиппъ, что между Скиѳами признаются преимущественно счастливыми и почтенными именно тѣ, которые въ томъ же

¹ Только одинъ щитъ и одно копье, ἀλλὰ μίαν καὶ ἓν ὄρου. Здѣсь послѣ μίαν очевидно пропущено переписчиками ἀσπίδα.

² Геріонъ и Бріарей, по мифологическимъ сказаніямъ, сторукіе титаны. Сравни. legg. VII. p. 759. С. См. Энциклоп. Лекс. сл. Бріарей.

смыслѣ на *своихъ* черепахъ ¹, въ какомъ ты недавно собаку назвалъ *своимъ* отцомъ, имѣють много золота. И что всего удивительнѣе, — Скиѣы даже пьютъ изъ своихъ вызолоченныхъ череповъ и, положивъ ихъ верхушкою на ладонь руки, видятъ ихъ внутренность. — А что? спросилъ Эвтидемъ, Скиѣы и вообще люди, то ли видятъ, что могутъ видѣть, или и то, чего не могутъ? — Вѣроятно, то, что могутъ. — И ты равнымъ образомъ? — И я. — Но видишь ли ты наши платя? — Вижу. — Слѣдовательно наши платя могутъ видѣть? ² — Чудно! отвѣчалъ Ктизиппъ. — А что? сказалъ Эвтидемъ. — Ничего: ты, по своей простотѣ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онѣ видятъ. У тебя, Эвтидемъ, кажется, на яву грезы и, если можно говоря не говорить, то въ этомъ имен-

В. но твое дѣло. — По развѣ нельзя, подхватилъ Діонисіодоръ, говорить тому, кто молчитъ? — Никакъ нельзя, отвѣчалъ Ктизиппъ. — Равнымъ образомъ, и молчать тому, кто говоритъ? — Еще менѣе. — Однакожь, когда ты говоришь: вотъ камни, деревья, желѣзо; не то ли говоришь, что молчитъ? ³ — Совсѣмъ нѣтъ; когда я иду по кузницѣ, то желѣзныя вещи говорятъ, издавая столь сильный звукъ и визгъ, если къ нимъ прикасаются, что заглушаемая ими велерѣчивость твоя ни-

¹ По свидѣтельству Иродота (IV, 26), Скиѣы, вмѣсто стакановъ, употребляли вызолоченные черепы убитыхъ ими непріятелей. Ктизиппъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что извѣстный непріятельскій черепъ принадлежалъ извѣстному Скиѣу, принялъ слово *свой* въ значеніи не собственности, а принадлежности, подобно тому, какъ прежде принималъ его Эвтидемъ (собака — твоя; собака есть отецъ; слѣдовательно собака — отецъ есть отецъ твой).

² Этотъ софизмъ основывается на двузначности греческаго выраженія: *δυνατὸν οὖν ὁρᾶν ἐς τὰῦτα*. Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія два смысла: 1) Итакъ ихъ можно видѣть? 2) Итакъ онѣ могутъ видѣть?

³ *Не то ли говоришь, что молчитъ? οὐ σιγῶντα λέγεις*; порусски надлежало бы сказать: не о томъ ли говоришь, что молчитъ? Но такимъ образомъ мы упустили бы изъ вида основаніе софизма. Въ выраженіи *οὐ σιγῶντα λέγειν* заключается два смысла: молча говорить, и говорить о томъ, что молчитъ. Такъ объясняется этотъ софизмъ и у Аристотеля de elenchis Sophist. C. IV. 6. Сравни. X. 8. Тоже и далѣе: желѣзныя вещи говорятъ какъ издающія — и проч. *φεγγόμενα καὶ βοῶντα μέγιστον τὰ σιδήρια λέγουσι*. Иначе: о желѣзныхъ вещахъ говорить, что онѣ издають и проч.

чего не говорить. Теперь, скажи-ка, какимъ образомъ можно молчать тому, кто говоритъ? — Ктизиппъ, мнѣ казалось, все еще горячился за своего друга. — Когда ты молчишь, спросилъ его Эвтидемъ, то не все ли молчишь? ¹ — Да, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, молчишь и то, что говоришь? потому что въ числѣ всего заключается и говорящее. — Такъ чтожь? сказалъ Ктизиппъ; значить, не все молчить? — Отнюдь нѣтъ, возразилъ Эвтидемъ. — Такъ видно, любезный, все говорить? — Да, — все говорящее. — Но я не о томъ спрашиваю: все молчить, или говорить? — Ни то ни се, и то и другое, подхватилъ Діонисіодоръ: къ этому отвѣту, знаю, не прива- D. жешься. — Тогда Ктизиппъ, по своей привычкѣ, громко захохоталъ и сказалъ: ну, Эвтидемъ! твой братъ, обоюдилъ положеніе ² и пропалъ, — совсѣмъ побѣжденъ! — При этомъ Клиніасъ обрадовался и засмѣялся, а Ктизиппъ какъ будто сталъ въ десять разъ выше. — Мнѣ показалось, что этотъ хитрецъ — Ктизиппъ у нихъ же перенялъ способъ опроверженія; потому что ни у кого, кромѣ ихъ, не найти такой мудрости. И я сказалъ: что ты смѣешься, Клиніасъ, надъ та- E. кими важными и прекрасными вещами? — А ты, Сократъ, знаешь что-нибудь прекрасное? подхватилъ Діонисіодоръ. — Какъ же, отвѣчалъ я, и много кое-чего. — Это кое-что отлично отъ прекраснаго, или одно и то же съ нимъ? ³ — Тутъ я

¹ *То не все ли молчишь? οὐ πάντα σιωπᾶς*; основаніе софизма опять въ двоюкомъ значеніи выраженія *πάντα σιωπᾶν*; ибо оно значитъ: во-первыхъ всему молчать, во-вторыхъ о всемъ молчать. Ходъ умозаключенія таковъ: когда ты молчишь, все молчишь; но въ понятіи *все* заключается и то, что говорить; слѣдовательно, когда ты молчишь, молчить и то, что говорить.

² *Обоюдилъ положеніе, ἐξήμεροτέρηκε τὸν ἴδιον*, то-есть, вывелъ заключеніе, что о предметѣ нашего разговора можно сказать и да и нѣтъ. Чтобы понять причину Ктизипповой радости, надобно вспомнить объ упрекѣ, который выше (р. 297. А) сдѣланъ Эвтидемомъ Діонисіодору: *διαφθεῖρεις τὸν λόγον, καὶ ἀνάσσει οὗτοι οὐκ ἐπιστόμενος καὶ ἐπιστήμων ἄμα ὡν καὶ ἀνεπιστήμων*.

³ Софистъ хочетъ сказать, что нѣтъ ничего прекраснаго и, ухватившись за слова Сократа, что красота присуща всякой вещи, строитъ слѣдующій софизмъ: если ты прекрасенъ, поколику тебѣ присуща красота; то равнымъ образомъ ты быкъ, поколику тебѣ присущъ быкъ; или также, ты Діонисіодоръ, поколику тебѣ присущъ Діонисіодоръ.

301. впалъ въ крайнее недоумѣніе и подумалъ: по дѣламъ мнѣ; за чѣмъ было развѣвать ротъ; однакожь отвѣчалъ: отлично, потому что красота присуща всякой вещи.—И такъ, если тебѣ присущъ быкъ, то ты быкъ? и если, какъ теперь, тебѣ присущъ Діонисіодоръ, то ты Діонисіодоръ?—Говори-ка лучше, сказалъ я.—Однакожь какимъ бы образомъ, продолжалъ онъ, одно могло быть другимъ, когда одно присуще другому? — А развѣ ты сомнѣваешься? спросилъ я, рѣшившись подражать этимъ мужамъ въ вожденной для меня мудрости ихъ. — Какъ же не сомнѣваться и мнѣ, и всѣмъ людямъ, въ томъ, чего нѣтъ! — Что ты, Діонисіодоръ? развѣ прекрасное не прекрасно, и безобразное не безобразно? — А если бы я и такъ думалъ?—Въ самомъ дѣлѣ?—Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ.—По этому, тоже не есть то же, другое не есть другое? Но вѣдь другое конечно не то же. Я думаю, и дитя не будетъ сомнѣваться, что другое есть другое. Ты, Діонисіодоръ, вѣрно съ намѣреніемъ не обратилъ вниманія на это, между тѣмъ какъ прочее въ вашемъ разговорѣ разобрано превосходно, съ искусствомъ мастеровъ, къ которымъ относится изслѣдывать все порознь. — А развѣ ты знаешь, спросилъ онъ, что свойственно каждому изъ мастеровъ? Во первыхъ знаешь ли, кому свойственно ковать? ¹ — Знаю; кузнецу. — И обжигать глину?—Да, гончару.—И закалывать, снимать кожу, разрѣзывать мясо на мелкіе куски, варить и жарить? — Конечно, повару. — По этому, кто дѣлаетъ, что кому свойственно, тотъ дѣлаетъ правильно?—Безъ сомнѣнія.— А ты согласился, что разрѣзывать на части и снимать кожу свойственно повару? Согласился или нѣтъ?—Согласился, сказалъ я; но извини меня.—Слѣдовательно, кто закалываетъ повара и разрѣзавъ его на части, варить и жарить, тотъ дѣлаетъ, что кому свойственно (*τά προήκοντα*)? и кто куетъ кузнеца, обжи-

¹ Этотъ софизмъ основанъ опять на двузначности греческаго выраженія: *τίνα προήκει χαλκένειν, χαράμειν* etc. Оно означаетъ во первыхъ, кому должно ковать, лѣпить и проч., во вторыхъ кого должно ковать, лѣпить и проч.

гаетъ гончара, тотъ равнымъ образомъ дѣлаетъ, что кому свойственно. — О Посидонъ! вскричалъ я, вотъ вѣнецъ мудрости! Что, еслибъ она принадлежала мнѣ, какъ будто моя собственная! — А узналъ ли бы ты ее, Сократъ, спросилъ онъ, если бы она была твоя собственная? — Разумѣется, отвѣчалъ я, лишь бы только тебѣ это было угодно. — Но развѣ ты думаешь, что свое можно знать? — Да, лишь бы ты понималъ не иное что нибудь; потому что начинать-то приходится съ тобою, а оканчивать съ Эвтидемомъ ¹. — Что считаешь ты своимъ? не то ли, чѣмъ владѣешь и можешь пользоваться, когда хочешь? Напримѣръ быка, или овцу, ты считаешь 302. своими не потому ли, что въ твоей власти продать ихъ, подарить, или принести въ жертву какому угодно богу? А на что не имѣешь подобной власти, то и не твое? — Замѣтивъ, что отсюда выйдетъ какой-то чудесный результатъ, и желая скорѣе услышать его, я отвѣчалъ: именно такъ, Діонисіодоръ, только это и мое. — Но что, по твоему мнѣнію, называется животнымъ? не то ли, въ чемъ есть душа? — Конечно то, сказалъ я. — И ты соглашаешься, что изъ животныхъ тѣ только твои, съ которыми властно тебѣ дѣлать все, что в. прежде говорено было? — Соглашаюсь. — Тутъ онъ умышленно пріостановился, какъ бы думая о чемъ-то высокомъ, и потомъ продолжалъ: скажи мнѣ, Сократъ, есть ли у тебя отечественный Зевсъ? — А я, опасаясь, чтобы этотъ вопросъ не привелъ насъ къ такому же заключенію, какое было недавно выведено ², старался избѣгнуть его по крайней мѣрѣ скрытою уверткою, бросался туда и сюда и наконецъ, будто опутанный сѣтью, отвѣчалъ: нѣтъ, Діонисіодоръ ³. — О,

¹ *Лишь бы понималъ... а оканчивать съ Эвтидемомъ.* Связь этихъ мыслей та, что предложенный вопросъ Діонисіодоръ могъ принимать въ одномъ значеніи, а Эвтидемъ — въ другомъ. Сократъ хочетъ сказать: смотри, Діонисіодоръ, такъ ли ты разумѣешь это положеніе, какъ разумѣешь его братъ твой; потому что начинать-то приходится съ тобою, а оканчивать съ нимъ.

² Указывается на предыдущее заключеніе, то-есть: заколотъ повара, и проч. значить, дѣлать то, что къ кому относится.

³ Этотъ отвѣтъ Сократа произвелъ много споровъ и недоумѣній между комментаторами. Нельзя сомнѣваться, что Аеняне дѣйствительно поклоня-

С. такъ ты человѣкъ жалкій и вовсе не Аѳинянинъ, когда у тебя нѣтъ ни отечественныхъ боговъ, ни храмовъ, ни прекраснаго, ни добраго. — Удержись, Діонисіодоръ, сказалъ я, говори лучше, учи меня безъ брани. Есть у меня и жертвенники, и храмы, какъ домашніе, такъ и отечественные, есть въ этомъ родѣ все, что имѣютъ другіе Аѳиняне. — Стало быть и у другихъ Аѳинянъ нѣтъ отечественнаго Зевса? — Конечно, отвѣчалъ я; это названіе неизвѣстно никому изъ Іонянъ: ни тѣмъ, которые выселились изъ нашей республики, ни намъ самимъ. Мы признаемъ отечественнымъ божествомъ Аполлона, такъ какъ отъ него родился Іонъ⁴; а Зевсъ называется у насъ божествомъ не отечественнымъ, но блюстительнымъ (ἑρκειος) и братскимъ (φράτριος), подобно Аѳинѣ, которая также носитъ имя братской. — Довольно! сказалъ Діонисіодоръ: теперь видно, что у тебя есть Аполлонъ, Зевсъ и Аѳина. — Конечно. — И не правда ли, что они твои боги? — Да, прародители и владыки, отвѣчалъ я. — Но вѣдь они твои? или, можетъ быть, ты не признаешь ихъ своими? — Что дѣлать! признаю. — Слѣдовательно, эти боги суть животныя? вѣдь ты согласился, что существо, одаренное душою, есть животное. Впрочемъ у этихъ боговъ, можетъ быть, и нѣтъ души? — Есть, отвѣчалъ я. — Ну такъ они животныя? — Животныя, сказалъ я. — Потомъ ты равнымъ образомъ согласился, что изъ животныхъ тѣ принадлежатъ тебѣ, которыхъ въ твоей волѣ подарить, продать и принести въ жертву какому угодно богу? — Согласился, не могу ускользнуть, Эвти-

дѣлись отечественному Зевсу. Свидѣтельства объ этомъ собраны Албертомъ ad *Nesuchium v. Πατριός Ζεύς*. Какимъ же образомъ Сократъ могъ сказать о себѣ, что онъ не признаетъ отечественнаго Зевса? По нашему мнѣнію, сынъ Софрониска здѣсь обращаетъ противъ софистовъ собственное ихъ оружіе, то есть, опровергаетъ ихъ тѣми же двусмысленностями, которыя составляли всю ихъ мудрость. Известно, что подъ именемъ отечественнаго Зевса Аѳиняне разумѣли бога—покровителя любви къ родителямъ: но Сократъ принимаетъ это названіе въ томъ значеніи, что отечественный Зевсъ есть родоначальникъ Аѳинскаго народа и такимъ образомъ отклоняетъ софизмъ Діонисіодора.

⁴ Аѳиняне и Іонійцы почитали родоначальникомъ своимъ Аполлона, потому что отъ него и Креузы родился Іонъ, давшій свое имя Іонійцамъ. См. *Chr. Fel. Baehr. de Apolline patricio 1829. Müller. Vol. 1. p. 244. sq.*

демъ. — Теперь послушай же, продолжалъ онъ: если Зевсъ и другіе боги—твои; то не въ твоей ли власти продать ихъ, подарить, и вообще дѣлать съ ними, что угодно, какъ съ прочими животными? — Пораженный этимъ словомъ, Критонъ, я палъ безгласнымъ. Ктизиппъ хотѣлъ было помочь мнѣ и сказалъ: о ужасъ, Иракль! какое прекрасное заключеніе! — Но Діонисіодоръ подхватилъ: что? ужасъ Иракль, или Иракль ужасъ?—Тогда Ктизиппъ воскликнулъ: о Посидонъ! страшное слово! Я отступаю; эти люди непобѣдимы. В.

Тутъ уже, любезный Критонъ, не осталось ни одного человѣка между присутствующими, который не превознесъ бы и этой мудрости, и этихъ мудрецовъ; а они почти разрывались отъ смѣха, рукоплесканій и радости. Во всѣ прежніе разы препорядочно шумѣли только друзья Эвтидема; теперь же едва ли не подняли шума въ честь мужей и не обрадовались даже колонны Ликейя. Я и самъ, по тогдашнему расположенію духа, готовъ былъ признаться, что никогда не встрѣчалъ такихъ С. мудрыхъ людей и, будучи увлеченъ ихъ мудростію къ похваламъ и прославленію, обратился къ нимъ и сказалъ: о какъ вы счастливы, обладая столь дивнымъ даромъ, — вы, которые раскрыли важнѣйшій предметъ такъ скоро и въ такое короткое время! Въ вашихъ умствованіяхъ много прекрасныхъ качествъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ; но между этими качествами особенно великолѣпно то, что вы не обращаете вниманія на людей почтенныхъ и кое-что значущихъ, а D. только смотрите на подобныхъ вамъ. Вѣдь я хорошо знаю, что такія умствованія могутъ нравиться весьма не большому числу подобныхъ вамъ, а прочіе приписываютъ имъ такъ мало достоинства, что скорѣе постыдились бы опровергать ими другихъ, чѣмъ быть самимъ опровергнутыми чрезъ нихъ. Да и то въ вашихъ разсужденіяхъ представляется чѣмъ-то народнымъ и добросовѣстнымъ, что, не допуская ни прекраснаго, ни добраго, ни бѣлаго, и ничего въ этомъ родѣ, не признавая никакого различія между однимъ и другимъ, вы, по вашимъ же словамъ, просто заграждаете людямъ уста. А Е.

что, заграждая уста другимъ, вмѣстѣ связываете, кажется, и свой собственный языкъ, то это дѣлаетъ васъ любезными и избавляетъ ваши умствованія отъ зависти. Но выше всего въ вашемъ дѣлѣ—та искусственность, по которой каждый человѣкъ можетъ изучить его въ самое короткое время. Я замѣтилъ это, между прочимъ, обращая вниманіе на Ктизипа, — какъ онъ могъ вдругъ подражать вамъ. Такая сторона вашего занятія конечно хороша для скорого преподаванія, но для разговора съ людьми негодится. Если вамъ угодно послушаться меня, то берегитесь говорить подобнымъ образомъ въ присутствіи многихъ; потому что скоро изученная наука не принесетъ вамъ благодарности. Лучше бесѣдуйте только между собою. Когда же вздумаете разговаривать съ кѣмъ нибудь другимъ, то говорите развѣ съ тѣмъ, кто заплатитъ вамъ 304. в. деньги. Это самое вы будете совѣтовать и ученикамъ своимъ, если хотите быть благоразумными: пусть они никогда и ни съ кѣмъ не разговариваютъ, а бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Что рѣдко, Эвтидемъ, то и дорого; вода и высоко цѣнится, да дешево продается, говоритъ Пиндаръ. Однакожь смотрите, прибавилъ я, чтобы меня и Клиніаса принять также въ число вашихъ учениковъ.

Высказавъ это и еще нѣсколько краткихъ замѣчаній, мы ушли. Теперь разсуди, Критонъ, не нужно ли и тебѣ вмѣстѣ съ нами посѣщать этихъ двухъ мужей, если они, по ихъ же словамъ, могутъ учить всякаго, кто захочетъ заплатить 305. с. имъ, не различая ни дарованій, ни возраста, и если — что особенно ты долженъ знать — они никому, говорятъ, не препятствуютъ приобрѣтать выгоды торговли, но каждому удобно передаютъ свою мудрость.

Крит. Да, Сократъ, я конечно люблю слушать, и съ удовольствіемъ учился бы чему нибудь; но боюсь, что принадлежу къ числу не тѣхъ, которые подобны Эвтидему, а тѣхъ, которые, какъ ты говоришь, охотнѣе желали бы быть опровергаемыми посредствомъ такихъ умствованій, чѣмъ 306. D. опровергать ими. Я показался бы смѣшнымъ, если бы взду-

малъ вразумлять тебя; однакожь хочу рассказать, что слышалъ. Знай, что во время моей прогулки, одинъ изъ тѣхъ, которые оставили ваше собраніе, подошелъ ко мнѣ. Это былъ человѣкъ, почитающійся умнымъ и отличнымъ писателемъ судебныхъ рѣчей. Критонъ! сказалъ онъ мнѣ, ты не слушаешь этихъ мудрецовъ? — Нѣтъ, ради Зевса, отвѣчалъ я; тамъ, за множествомъ народа, ничего не разслушать. — А стоило бы послушать. — Для чего? спросилъ я. — Чтобы узнать разговоръ тѣхъ людей, которые нынѣ принадлежатъ къ числу мудрѣйшихъ въ извѣстномъ родѣ рѣчей. — Чтожь тебѣ показалось? — Что больше, отвѣчалъ онъ, кромѣ того, что можно слышать отъ всѣхъ подобныхъ болтуновъ, которые о пустыхъ вещахъ разсуждаютъ съ неумѣстною важностію. Это собственные его слова. — Но въдѣ философія, сказалъ я, дѣло прекрасное. — Что за прекрасное, добрякъ? ничего не стоитъ. Вотъ если бы теперь ты былъ тамъ, то вѣрно стыдился бы за своего друга. Какой чудакъ! Онъ хочетъ ввѣриться этимъ людямъ; а они, не думая о томъ, что говорятъ, только противорѣчатъ каждому слову. Ихъ, какъ я уже сказалъ, почитаютъ отличными мудрецами нашего времени; между тѣмъ, и самое дѣло, Критонъ, и люди, занимающіеся имъ, весьма низки и достойны смѣха. — А мнѣ кажется, Сократъ, что дѣло-то не заслуживаетъ порицанія, и что ни мой знакомецъ, ни кто другой не долженъ В. порицать его: напротивъ справедливо, думаю, бранять тѣхъ, которые въ присутствіи многихъ вступаютъ въ разговоръ съ подобными учителями.

Сокр. Нѣтъ, Критонъ; это удивительные люди! Впрочемъ, я еще не знаю, что сказать. Къ какому роду людей относится тотъ, кто подошелъ къ тебѣ и порицалъ философію? Риторъ ли онъ, то-есть, одинъ изъ тѣхъ, которые сами умѣютъ подвизаться въ судилищахъ, или сочинитель рѣчей, только высылающій риторовъ въ борьбу и вооружающій ихъ своими рѣчами?

Крит. О, менѣе всего риторъ, клянусь Зевсомъ. Я не с.

думаю даже, чтобы онъ когда-нибудь приходилъ въ судилище; однакожь слыветь, говорятъ, человѣкомъ сильнымъ въ этомъ дѣлѣ и сочинителемъ сильнымъ рѣчей ¹.

Сокр. Теперь понимаю. О такихъ-то именно людяхъ и самъ я хотѣлъ говорить. Это тѣ, Критонъ, которые, по словамъ Продика, стоятъ на срединѣ между философомъ и политикомъ, и почитаютъ себя мудрѣе всѣхъ, чтобъ быть и казаться мудрецами особенно въ глазахъ народа; такъ что, по ихъ мнѣнію, никто, кромѣ философовъ, не мѣшаетъ имъ D. пользоваться всеобщими похвалами. Они думаютъ, что еслибъ послѣднихъ выставить, какъ людей, ничего нестоящихъ; то побѣда и вѣнецъ мудрости уже безъ всякаго сомнѣнія принадлежали бы имъ. Пусть они и въ самомъ дѣлѣ мудры; но захваченные въ частныхъ разсужденіяхъ, вѣрно будутъ ошипаны (*κολούεσθαι*) Эвтидемами. Впрочемъ эти люди и справедливо называются мудрецами: они заимствуютъ нѣчто отъ философіи, нѣчто отъ политики, и какъ то, такъ E. и другое — не безъ основанія: а заимствуя, сколько нужно, изъ обѣихъ областей, наслаждаются плодами мудрости безъ труда и опасности.

Крит. Но вѣдь они говорятъ же что-нибудь, Сократъ?

Сокр. Ничего не говорятъ.

Крит. Однакожь рѣчь ихъ имѣетъ какую-то нарядность.

¹ Подъ именемъ риторовъ Греки разумѣли такихъ людей, которые лично подвизались въ судахъ и говорили въ защиту, или противъ разсматриваемаго дѣла. *Suid.* s. v. *ῥήτωρ τὸ παλαιὸν ἔκαλεῖτο ὁ δῆμος συμβεβηέντων καὶ ὁ ἐν δῆμῳ ἀγορεύων, εἴτε ἰκανὸς εἴη λέγειν εἴτε καὶ ἀδύνατος.* По сему у Ксенофонта (метог. II. 6) *ῥήτορες καὶ δημηγόροι* — названія синонимическія. Если же кто-нибудь изъ риторовъ пользовался особенною довѣренностію народа; то его называли *δημαγωγός*. См. *Schömann. de Com. Athen.* p. 106. *Valckenar. diatrib.* C. XXIII. p. 251. sqq. Впослѣдствіи къ риторамъ присоединился классъ ораторовъ, которые говорили рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ, *ἐν ταῖς πανηγύρεσι*, по побужденію тщеславія. Такимъ ораторомъ, между прочими, былъ и Горгіасъ, коего именемъ названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ. Но кромѣ риторовъ и ораторовъ, въ Греціи были еще такъ называемые логографы. Они лично не присутствовали въ судѣ, а только писали рѣчи для защищенія или опроверженія судебныхъ дѣлъ. Ихъ-то особенно не любилъ Сократъ, какъ людей поверхностныхъ, не имѣвшихъ основательнаго образованія и презиравшихъ истинную науку.

Сокр. Правда, Критонъ; въ ней болѣе нарядности, чѣмъ 306. истины. Этихъ людей трудно убѣдить, что и человекъ и все прочее, находясь въ срединѣ между зломъ и добромъ и заимствуя нѣчто отъ того и другаго, бываетъ лучше перваго и хуже послѣдняго. Но если заимствованное взято изъ двухъ благъ, заключающихся не въ одной вещи; то оно должно быть хуже обоихъ, поколику каждое изъ началъ, давшихъ ему бытiе, есть уже добро. А что составлено изъ двухъ золь, относящихся къ различнымъ вещамъ, и находится въ срединѣ между ими; то, и только то одно, лучше всякаго В. изъ цѣлыхъ, коихъ части вошли въ составъ его. И такъ предположимъ, что философія и политика, та и другая въ своемъ родѣ — добро: въ такомъ случаѣ сочинители рѣчей, заимствуя нѣчто изъ первой и послѣдней, и занимая средину между ими, ничего не говорятъ, потому что хуже обѣихъ. Но если одна изъ нихъ — добро, а другая — зло; то они въ томъ отношеніи будутъ хуже, а въ этомъ лучше. Словамъ ихъ тогда бы только можно было приписать нѣкоторую истинность, когда бы оба упомянутыя искусства были зло. Но я не думаю, что сочинители рѣчей признаютъ — или оба С. зломъ, или одно зломъ, а другое добромъ. По этому, заимствуя нѣчто изъ обоихъ, они дѣйствительно ниже каждаго порознь. Политика и философія цѣнны сами по себѣ; а они — третье звѣно въ отношеніи къ истинѣ, стараются казаться первыми. Впрочемъ, видно ужъ простить имъ это удовольствіе; не будемъ досадовать на нихъ, но постараемся почитать ихъ тѣмъ, что они есть. Мы должны быть довольны всякимъ, кто говоритъ хоть что-нибудь, носящее характеръ ума, и усердно трудится надъ проясненіемъ истины. D.

Крит. Однакожь, Сократъ, я все еще въ недоумѣніи касательно своихъ сыновей и, какъ всегда говорилъ тебѣ, не знаю, что съ ними дѣлать. Младшій конечно еще малъ; но Критовулъ уже на возрастѣ и имѣетъ нужду въ чьемъ-нибудь руководствѣ ¹. Всякій разъ, разговаривая съ тобою, я

¹ Диогенъ Лаерцій (II. 13. 121) упоминаетъ о четырехъ сыновьяхъ Кри-

убѣждаюсь, что безумно заботиться о многихъ вещахъ касательно дѣтей, напримѣръ, о своей женидбѣ, чтобы родить ихъ отъ благородной матери, о деньгахъ, чтобы оставить имъ богатство, а нерадѣть объ ихъ воспитаніи. Но когда смотрю на тѣхъ, которые берутся учить людей, то ужасаюсь: мои наблюденія доказываютъ мнѣ, что всякій изъ нихъ весьма далекъ отъ своего дѣла. По этому, если сказать тебѣ

307. правду, я не знаю, совѣтовать ли сыну заниматься философіею.

Сокр. Ты не знаешь, любезный Критонъ, что по всякой наукѣ есть много людей пустыхъ, которые ничего не стоятъ, и нѣсколько дѣльныхъ, которые дороже всего. Не ужели ни гимнастика, ни экономія, ни риторика, ни стратегія, не кажутся тебѣ науками прекрасными?

Крит. По моему, онѣ весьма хороши.

Сокр. Чтожь? не видишь ли, что каждая изъ этихъ наукъ в. питаетъ много людей смѣшныхъ и неспособныхъ ни къ какому дѣлу?

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, ты говоришь правду.

Сокр. Но неужели по этой причинѣ и самъ ты будешь бѣгать отъ всѣхъ наукъ, и дѣтей своихъ не образуеть ими?

Крит. Это было бы несправедливо, Сократъ.

Сокр. Итакъ не дѣлай, Критонъ, чего не должно. Хороши люди, или худы, — пусть себѣ занимаются философіею. Ты только основательнѣе изслѣдывай самое дѣло; и если оно покажется тебѣ худымъ, устраняй отъ него не только дѣтей, с. но и всякаго человѣка: а когда, напротивъ, найдешь его такимъ, какимъ оно кажется мнѣ; то иди за нимъ смѣло, трудись, — иди самъ и, какъ говорится, веди за собою дѣтей.

тона: Критовулъ, Гермогенъ, Эпигенъ и Ктизиппъ. Здѣсь, по мнѣнію Гейндорфа, Критонъ говоритъ о Гермогенѣ и Критовулѣ. А такъ какъ въ Эвтидемѣ Критовулъ представляется возрастнымъ; то видно, что Платонъ написалъ этотъ разговоръ незадолго до осужденія Сократа; потому что Критовулъ, сынъ Критоновъ, находился въ числѣ тѣхъ Сократовыхъ учениковъ, которые готовы были взять своего учителя на поруки и внести за него штрафныя деньги.